

«Потрясающая смесь триллера и мистики».

– B O O K L I S T –

ОГНЕННАЯ ДЕВА

18+

ДЖЕННИФЕР МАКМАХОН

NEW YORK TIMES BESTSELLING AUTHOR

Саспенс нового поколения

Дженнифер Макмахон

Огненная дева

«ЭКСМО»

2017

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

Макмахон Д.

Огненная дева / Д. Макмахон — «Эксмо», 2017 — (Саспенс
нового поколения)

ISBN 978-5-04-091103-5

Десятилетний Майлз становится свидетелем убийства собственной матери – человек в маске цыпленка перерезает ей горло прямо на газоне у дома. Улики указывают на отца Майлза, но он отрицает вину и, оказавшись в камере, кончает жизнь самоубийством. Майлза же передают на воспитание родственникам. От прежней жизни ему остается только прощальное письмо отца, в котором упомянут тайник с чертежами знаменитого ученого Томаса Эдисона. Отец клянется, что по схемам можно создать аппарат для общения с мертвыми. Прошли годы, но ни Майлз, ни его родные не забыли эту жуткую историю...

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-091103-5

© Макмахон Д., 2017

© Эксмо, 2017

Содержание

Раньше	6
Майлз	6
Майлз	11
Майлз	14
Майлз	17
Потом	22
Некко	22
Тео	36
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Дженнифер Макмахон

Огненная дева

© Савельев К., перевод на русский язык, 2018

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Э», 2018

* * *

Раньше 16 Июня 1975 года

Майлз

Его мать медленно скользит по вымощенному каменному плитами патио. Ее длинные ноги и бедра двигаются в такт музыке; этот волнообразный танец напоминает Майлзу, как колышется высокая трава перед грозой. В руке мать держит запотевший бокал мятного джулепа¹ с маргаритками, нарисованными на стекле. «Любовь, любовь удержит нас вместе...» – поют Капитан и Тенниль² из дребезжащего портативного радиоприемника, который стоит на столе.

Мать напевает вполголоса, танцующей походкой приближаясь к алюминиевому шезлонгу. Бронзовый слоник-талисман на ее бисерном браслете поворачивается и нюхает воздух своим хоботом. Майлзу нравится этот браслет. Мать не говорит, где его достала, но уже около месяца постоянно носит его.

В белом хлопчатобумажном платье и золотистых сандалиях она похожа на богиню из сборника древнегреческих мифов, который читает Майлз. Возможно, на Афродиту. Ногти на ее ногах выкрашены в густо-фиолетовый цвет, кожа бронзовая от летнего загара, а в светло-каштановых волосах, откинутых назад и скрепленных скользящей пряжкой, играют золотистые искорки. Она опускается в шезлонг и ставит бокал на металлический столик. Потом берет пачку «Пэлл-Мэлл» и вытряхивает оттуда сигарету.

Майлз старается сдерживать дыхание и неловко ворочается в своем укрытии. Он лежит на животе за «садом камней», вытянувшись как змея, и наблюдает за матерью, находящейся на другой стороне двора.

Она обещала, что бросит курить, но по-прежнему прячет сигареты на книжной полке за огромными, переплетенными в кожу классическими романами, которые не читает никто из домашних: «Моби Дик», «Дэвид Копперфилд».

Майлз рассказал матери о фильме, который они посмотрели на «уроке здоровья», там картинки здоровых, розовых легких чередовались с картинками потемневших и покрытых зловещными пятнами легких курильщиков. Майлзу страшно представить, что легкие его матери могут выглядеть как сажа из каминной трубы; хуже того, ему ненавистна мысль о ее смерти, что неизбежно ждет всех курильщиков, по словам учительницы, миссис Молетт. Ваши легкие станут черными и больными. Они больше не будут работать и разносить кислород по вашему телу. Без кислорода вы умрете.

– Между прочим, я могу попасть под автобус, – заметила мать, когда Майлз повторил эти слова. – Или меня убьет молнией. Или у моего автомобиля откажут тормоза, и я упаду с утеса.

Майлзу пришлось признать, что последний сценарий тоже кажется вероятным. Мать водит старое купе MG с откидным верхом – свадебный подарок от ее родителей. Автомобиль весь в пятнах ржавчины и проводит больше времени в мастерской, чем под открытым небом. Отец Майлза хочет обменять его на что-нибудь более практичное, например, на хороший семейный «универсал». Майлз пытается представить свою маму за рулем «универсала»,

¹ Южный коктейль из бурбона с водой, колотым льдом и свежей мятой, иногда с сахарной пудрой (*прим. перев.*).

² «Капитан и Тенниль» – супружеский дуэт Дэрила Дрэгона («Капитан») и Кэтрин Тенниль, получивший известность в 1970-х годах (*прим. перев.*).

вроде миссис Брэди из «Семейки Брэди»³, но мама не похожа на миссис Брэди. И любит свой старый MG. Мама даже назвала машину музыкальным именем Изабелла. Иногда мать говорит, что собирается съездить в магазин за молоком и кукурузными хлопьями, и пропадает на несколько часов. Майлз спрашивает ее, где она была, и она отвечает: «Я просто каталась. Только мы с Изабеллой и открытая дорога».

Кажется, будто каждую неделю ломается новая, невероятно дорогая импортная деталь: поршень, насос, тормозной барабан... для Майлза названия этих деталей больше похожи на части человеческого тела, чем на запчасти к автомобилю. Но когда автомобиль ломается, его отвозят в гараж Чэнса, где заказывают новую деталь и устанавливают ее. С почерневшими раковыми легкими этого не сделаешь.

Нужно придумать, как остановить мать.

Вот почему сегодня утром, когда его мать была на рынке, Майлз украл припрятанную пачку сигарет. Она была наполовину пустой, осталось лишь десять штук. Он выбрал две и осторожно вытряс половину табака из бумажных гильз. Потом так же аккуратно заменил табак двумя собственноручно сделанными бумажными пакетиками. Каждый из них был наполнен черным порошком из гильзы игрушечного ружья вместе с крупинками серы из детского химического набора. Когда Майлз затолкал сверху немного табака, сигареты выглядели точно так же, как остальные. Ему хотелось, чтобы мать сделала несколько хороших затяжек перед маленьким вонючим хлопком, который навсегда отвлечет ее от курева.

Десять сигарет, две из которых взорвутся. Шансы, что она выберет нужную, составляют один к пяти. Майлз любит числа и понимает вероятность удачи. Лежа в своем укрытии, он смотрит, как мать закуривает.

Он носит костюм Робин Гуда: зеленые плисовые штаны, которые немного жмут, высокие ковбойские сапоги и одну из коричневых рабочих рубашек отца с ярлычком, который натирает шею, так что приходится сдерживать себя, чтобы не почесаться. На поясе рубашка перехвачена толстым кожаным ремнем, который удерживает деревянный меч. На спину закинут колчан со стрелами, а в руках Майлз держит самодельный лук. Отец помог ему изготовить лук и стрелы; он напомнил Майлзу, что это не игрушки и нужно соблюдать осторожность. Мать была не слишком довольна.

– Замечательно, Мартин, – сказала она. – Полагаю, ты уладишь дело, если он случайно убьет одну из соседских кошек?

Они долго спорили, но в конце концов Майлзу разрешили играть с луком и стрелами.

Отец любит старые фильмы о Робин Гуде, и они с Майлзом иногда смотрят их на маленьком телевизоре в отцовской мастерской. Но в последнее время отец слишком занят. Он ремонтирует электроприборы и ездит на белом фургоне с надписью «МАРТИН САНДЕСКИ, РЕМОНТ И ОБСЛУЖИВАНИЕ БЫТОВОГО ОБОРУДОВАНИЯ». Иногда отец пользуется грузовиком для перевозки музыкального оборудования джазового квартета «Три полных мешка», где он выступает. Отец любит рассказывать, как однажды играл на трубе вместе с Каунтом Бейси⁴ на сцене в Нью-Орлеане. У отца Майлза множество замечательных историй – о легендах джаза, с которыми он встречался, или о продюсере, с которым он познакомился в маленьком клубе в Олбани, штат Нью-Йорк и который дергает за нужные нити, чтобы «Три полных мешка» могли записать студийный альбом. Но самая лучшая история о том, что его дед работал у Томаса Эдисона, который изобрел электрическую лампочку, кино и звукозапись.

³ «Семейка Брэди» – американский комедийный сериал о многодетном вдовце, который женился на вдове с тремя детьми. Сериал шел с 1969 по 1974 год (прим. перев.).

⁴ Каунт Бейси (1904–1984) – американский джазовый пианист и органист, значительно повлиявший на развитие блюзовой музыки (прим. перев.).

– Он поделился со мной некоторыми оригинальными планами Эдисона, – говорил отец. – Планами секретного изобретения, над которым Эдисон работал незадолго до смерти. Они стоят целое состояние, не меньше миллиона долларов.

– Что это за планы? – однажды спросил Майлз, пока его отец приканчивал упаковку из шести банок пива «Наррагансетт».

– Насчет особенного телефона, который делает невероятные вещи, которые никто и представить не может.

– Перестань дразнить мальчика своими историями, Марти, – со смехом сказала мать Майлза. Они сидели в гостиной со включенным телевизором, но никто не смотрел передачу.

Отец допил очередную банку.

– Я никого не дразню; придет день, и ты сама убедишься.

Мать Майлза заявила, что не верит в существование планов Эдисона (тем более что никогда не видела их), и даже если какие-то планы сохранились, они не могут принадлежать настоящему Томасу Эдисону.

– Ей-богу, ты не должен верить и половине того, что рассказывает твой отец, – сказала она, выдохнув струйку дыма, и с излишней силой раздавила окурок в тяжелой стеклянной пепельнице, стоявшей на кофейном столике.

Теперь Майлз с беспокойством смотрит через куст тигровых лилий и ждет хлопка очередной материнской сигареты. Он испытывает странную смесь вины и предвкушения; хотя он знает, что делает это ради ее же блага, фокус выглядит жестоким. Его мать легко пугается. Майлз и отец разыгрывают ее, подкладывая резиновых змеек в ванну и пластиковых пауков в масленку. Эти грубоватые шутки неизменно вызывают у матери крики ужаса, но потом она смеется так сильно, что не может перевести дыхание. Мать прекрасна, когда смеется, и есть нечто поразительное в том, как ее страх оборачивается блаженным, почти истерическим облегчением. Майлз едва ли не стесняется, когда видит ее в такие моменты, словно он делает что-то неприличное; это почти то же самое, что без стука войти в ванную и застать мать под душем.

Внезапно он видит тень, которая падает на траву, пересекает двор и украдкой движется к внутреннему дворику.

Может быть, отец рано вернулся домой?

Отец Майлза должен был починить стиральную машину для старой леди Мерсье на другом конце города. Потом он собирался заехать в мастерскую и поработать над кондиционером, который уронили по неосторожности.

Нет, это не отец, не соседский ребенок и не кто-то из знакомых.

Это мужчина. Он не такой высокий и плотно сложенный, как отец. И *этот* мужчина носит желтые носки и черные модельные туфли, которые слишком велики для него, поэтому он неловко шлепает при ходьбе. Его штаны тоже слишком длинные, но он закатал брючины. С каждым шагом его лодыжки вспыхивают абсурдно ярким желтым цветом. Но самое странное заключается не в слишком больших туфлях, желтых носках или решительном продвижении к патио, где отдыхает мать Майлза.

Он носит резиновую маску цыпленка, которая закрывает всю его голову. Это белая маска с желтым клювом, красным гребешком и бородкой.

Майлзу кажется, будто он каким-то образом попал в один из субботних утренних мультфильмов. Он смотрит, как Человек-Цыпленок приближается сзади к его матери. Она лежит в шезлонге, греется на солнце с закрытыми глазами и ни о чем не подозревает.

До сих пор Майлз не обращал внимания на руки мужчины. Он плотно прижимал их к туловищу, но теперь Майлз видит справа яркий отблеск ножа.

Майлз приподнимается и кладет на тетиву лука одну из своих стрел – свою счастливую стрелу с черным древком и красным оперением. Он натягивает тетиву. Человек-Цыпленок уже

стоит прямо за шезлонгом его матери; он наклоняется и что-то шепчет ей на ухо. Она смеется с закрытыми глазами.

Потом одним быстрым движением Человек-Цыпленок проводит лезвием по ее горлу.

Мать распахивает глаза, наполненные паникой и недоверием. Кровь хлещет из горла на грудь белого платья, сочится сквозь желтую нейлоновую обшивку шезлонга и капает на каменную плитку двора. Вместо крика Майлз слышит лишь последний сдавленный вздох.

Стрела, вылетевшая из лука Майлза, ударяет Человека-Цыпленка в левую сторону пояса, отчего он рычит. Когда Майлз выпрямляется на нетвердых ногах, Человек-Цыпленок поворачивает голову и с ревом вырывает стрелу. Потом он смотрит прямо на Майлза. Держа нож в одной руке, а стрелу – в другой, он делает шаг к мальчику.

Майлз пытается заставить свои ноги сдвинуться с места и бежать, когда в пепельнице раздаются резкие хлопки, сопровождаемые вспышками и едким запахом серы. Человек-Цыпленок застывает как вкопанный, потом поворачивается и убегает со двора. Резиновая маска трясется, туфли шлепают, желтые носки блестят ярче солнца.

«Таймс Юнион», 17 июня 1975 года

«УБИЙСТВО И САМОУБИЙСТВО ПОТРЕСАЮТ МАЛЕНЬКИЙ ПОСЕЛОК БРЭКСТОН»

Брэкстон, штат Вермонт

В понедельник, примерно в три часа дня, тридцатишестилетняя Элизабет Сандески была убита на заднем дворе своего дома. Ее сын, десятилетний Майлз Сандески, стал свидетелем преступления. Полицию вызвала соседка Келли Ричардсон, также проживающая на Колд-Холлоу-лейн.

«Майлз прибежал к нам в истерике и весь в крови, – сообщила репортерам миссис Ричардсон. – Он сказал, что человек в маске цыпленка убил его мать».

Полицейские обыскали дом и гараж Сандески, где, по словам свидетелей, они обнаружили окровавленную одежду, резиновую маску цыпленка и кухонный нож в багажнике семейного автомобиля. Фрэнсис Боннар, глава полиции Брум-Холлоу, отказался подтвердить или прокомментировать эти находки, заметив лишь, что они стали основанием для ареста мистера Сандески.

Мартин Сандески, который занимается ремонтом и обслуживанием электроприборов и играет на трубе в джазовой группе «Три полных мешка», был взят под стражу. Соседи утверждают, что в последнее время супруги часто ссорились и что Мартин рассказал нескольким друзьям о своих подозрениях в измене жены.

Мартин Сандески покончил с собой через несколько часов после ареста. Фрэнсис Боннар подтвердил, что мистер Сандески повесился в камере предварительного заключения и что попытки привести его в чувство не увенчались успехом. Глава полиции сделал следующее заявление: «Раньше мы никогда не сталкивались с подобным инцидентом. Будут проведены доскональное расследование, а также тщательная переоценка наших действий и процедур обращения с подозреваемыми, которые находятся под следствием».

Холли Уитни из Эшфорда, сестра Мартина Сандески, отказалась комментировать слухи о состоянии психического здоровья своего брата или о неверности его жены. «Мы никогда не узнаем, что случилось на самом деле, – сказала она. – Теперь мы можем лишь двигаться дальше и стараться исправить содеянное. Мы должны сделать все возможное для Майлза; бедный мальчик пережил чудовищную утрату».

* * *

Дорогой Майлз!

Надеюсь, тебе не придется читать эти строки; если ты это делаешь, то меня уже нет. Твоя тетя Холли обещала, что ты получишь это письмо, если со мной что-либо случится. Я надеюсь прожить долгую и счастливую жизнь, увидеть, как ты вырастешь и женишься, и поддержать в руках своего внука. Но раз ты это читаешь, то меня постигла неудача.

Это письмо, как и то, о чем я собираюсь рассказать тебе, нельзя доверить никому. Ни тете Холли, ни даже твоей матери. Никому. Это для тебя одного.

У меня есть лишь одна вещь, которая имеет подлинную ценность. Вещь, которая может изменить жизнь. И я собираюсь передать ее тебе точно так же, как мой отец передал ее мне.

Помнишь, я рассказывал тебе, что мой отец работал у Томаса Эдисона на его фабрике в Нью-Джерси. Я еще говорил о планах, полученных от отца.

Только я не сказал тебе, что мой отец не получал эти планы от самого Эдисона. Они были украдены. Но это уже совсем другая история.

Самое важное заключается в том, что они реальны, несмотря на громогласные отрицания твоей матери. Они настоящие. И они стоят целое состояние, хотя не только материальная ценность делает их подлинным сокровищем. Это нечто гораздо большее, чем вещь, за которую можно назначить цену.

Ты найдешь планы в гараже. Они находятся в старом пустом топливном бачке на верхней полке. Отвинти крышку и открой бачок. Планы лежат внутри, завернутые в пластиковый пакет.

Держи их при себе. Никому не говори о них.

Обещаю тебе, что однажды эти планы и механизм, изображенный на них, изменят не только твою жизнь, но и, вполне возможно, весь мир.

Я люблю тебя, Майлз. Что бы ни случилось.

Отец

Майлз

1975–1997 год

Майлз носит материнского бронзового слоника в кармане так же, как другие мальчики носят кроличью лапку или как пожилые дамы носят четки в церкви. Слоник стал его талисманом; Майлз трет его спину и так заботится о нем, что иногда слоник кажется почти живым. Бывают моменты, когда Майлз готов поклясться, что чувствует движение слоника и ощущает биение его крошечного сердца.

Он так часто прикасается к слонику, что протирает правые карманы всех своих штанов. Тетя Холли молча штопает их и никогда не бранит Майлза. Она понимает его утрату и его тайное стремление.

Слоник находится в кармане, когда тетя Холли последний раз отводит Майлза в его дом в Брук-Холлоу, чтобы забрать вещи. Майлз сразу же направляется в гараж, находит топливный бачок и вытаскивает пакет с застежкой, где лежат свернутые планы. Потом Майлз возвращается в дом, берет с полки том «Дэвида Копперфилда» (тот самый, за которым мать прятала сигареты) и кладет книгу в свой ранец. Еще он забирает отцовскую трубу в футляре.

Вернувшись в дом тети и дяди, Майлз следует инструкциям из шпионской книжки о том, как превратить книгу в тайник, и прячет планы в том «Дэвида Копперфилда». Книга отправляется на его полку, смешиваясь с другими: «Приключения Робин Гуда», «Остров сокровищ», «Воришки», «Лев, колдунья и платяной шкаф», «Излом времени» и полный комплект «Британской энциклопедии». Футляр с отцовской трубой Майлз кладет под кровать. Каждый вечер перед сном он опускается на колени и вместо вечерней молитвы смотрит на футляр.

Бронзовый слоник лежит у него в кармане и в первый день учебы в Эшфордской начальной школе. Эшфорд – старый фабричный городок, который превратился в грязный районный центр со множеством безработных, стремящихся свести концы с концами. Хотя он находится лишь в двадцати минутах от Брум-Холлоу, здесь как будто другая вселенная. Но Майлз не возражает. У тети Холли и дяди Хоуи есть приятный фермерский домик на окраине города; они выкрасили комнату Майлза в голубой цвет и наклеили звезды, которые светятся в темноте. Они наблюдают за племянником, когда он начинает работать над своими изобретениями: изготовленными из кусочков дерева и металла маленькими заводными животными, которые двигают лапами и поворачивают головы. Он любит соединять передачи и наделять жизнью неодушевленные предметы. Работа с инструментами напоминает ему об отце: о долгих часах, проведенных в отцовской мастерской, когда Майлз передавал ему шланги, прокладки и отвертки.

Иногда он открывает книгу, где спрятал планы Эдисона, и раскладывает бумаги на полу своей комнаты. Схемы кажутся Майлзу почти неземными – со множеством лампочек, проводов, трубок, маленьких слов и цифр, написанных повсюду. Ему хочется, чтобы отец был рядом и все объяснил. Отец мог бы построить этот механизм.

Майлз смотрит на планы и в тот день, когда слышит лязг велосипеда, рухнувшего на улице, где Лили попыталась изобразить «Прыжок Ивела Нивела»⁵. Майлз видит ее старый футбольный шлем, из-под которого выбиваются рыжие волосы, а потом бежит за аптечкой для ее разодранной коленки. Они беседуют, пока Лили оттирает кровь, потом Майлз помогает ей забинтовать колено.

– Почему ты живешь с дядей и тетей? – спрашивает Лили. И он объясняет, хотя это выглядит странно. Он ни с кем не говорил об этом, но с Лили слова просто пришли к нему. Лили говорит, что ее мать тоже умерла, а ее отец пьет и редко бывает дома. Воспитанием Лили занимается старший брат Ллойд. Он ездит на тягаче и может починить почти что угодно.

⁵ Ивел Нивел (1938–2007) – мотогощик, каскадер, исполнитель трюков (прим. перев.).

– Он талантливый, – сообщает она. – И я тоже одаренная. – Она шарит в кармане шорт и достает прозрачный голубой шарик. – Это мой личный хрустальный шар, – объясняет она.

– Что ты с ним делаешь? – спрашивает Майлз.

Она подносит шарик к глазу и смотрит в него.

– Он позволяет мне видеть разные вещи. Другие люди этого не могут.

Она поворачивается к Майлзу, по-прежнему глядя в шарик.

– Что ты видишь? – спрашивает Майлз.

– Кое-что хорошее, кое-что плохое, – говорит она, прячет шарик в карман и странно шурится на Майлза, как будто знает что-то, о чем не говорит.

Майк достает из кармана слоника и показывает ей.

– Это мамина вещь, – говорит Майлз. – Она носила ее перед смертью.

Он рассказывает Лили историю слоника, ту же самую историю, которую слышал от матери за несколько дней до ее гибели. Майлз тогда заметил ее новый браслет и спросил насчет подвески. Мать улыбнулась и сказала, что у слоника есть своя история.

– Однажды, давным-давно, – обращается Майлз к Лили, вспоминая подробности материнского рассказа, – в далекой Индии жила прекрасная золотая слониха. Но на самом деле это была не слониха, а принцесса, превращенная в животное чародеем, который поссорился с ее отцом, индийским царем.

Лили широко распахивает глаза.

– Что же случилось с принцессой? Она осталась слонихой или нашла способ разрушить чары?

– Моя мама говорила, что она все еще там и ждет кого-то, кто снимет чары. А знаешь, что самое худшее? – спрашивает Майлз. – Худшее то, что принцесса, – единственная, кто может разрушить злое колдовство. Она носит секрет в себе, но не знает об этом.

Лили улыбается.

– Эта часть мне не кажется грустной. Это... это похоже на Дороти из «Волшебника страны Оз», понимаешь? Она с самого начала имела возможность вернуться домой, но тогда бы она не смогла продолжить путешествие. Она была не готова отправиться домой. Та принцесса узнает, как снять чары, когда придет нужное время. И тогда, только подумай, какую поразительную историю она сможет рассказать людям! О том, как она была слонихой.

Она спрашивает, поймали ли полицейские убийцу его матери, и Майлз отвечает: нет, не поймали, но однажды он сам собирается найти убийцу.

Лили снова достает шарик и смотрит в него.

– Ты найдешь его, – заверяет она. – Я вижу это.

– А что еще ты видишь? – спрашивает Майлз, но она только улыбается и прячет шарик.

Майлз впервые целует Лили два года спустя, когда начинает каждый день заходить к ней домой после уроков. Ее брат Ллойд оказывается самым крутым парнем, известным Майлзу, и они почти всегда ужинают втроем. Лили готовит макароны с сыром, тушеного тунца, бобы и сосиски в тесте.

– Лил рассказала мне, что случилось с твоими родителями, – говорит Ллойд однажды вечером. – Мне очень жаль.

Майлз не знает, что ответить, и смотрит на свою пустую тарелку с пятнами кетчупа, похожими на кровь.

Ллойд учит Майлза паять и собирать коротковолновой радиоприемник, разбирать двигатель и ездить на мотоцикле. Он впервые дает Майлзу попробовать пиво «Нарагансетт» и учит его сплющивать пустую банку, как это делал Квинт в фильме «Челюсти». Потом Ллойд на старой дороге у реки учит Майлза переключать рычаг передач грузовика.

В тот день, когда Майлз опускается на одно колено и просит Лили выйти за него, он достает из кармана кольцо, которое уже много дней носит в кармане рядом с бронзовым сло-

ником. Они заказывают обед в итальянском ресторане, который Майлз едва может себе позволить. Он только что закончил магистратуру. Они живут вместе в крошечной квартире рядом с бумажной фабрикой. Когда Лили говорит «да», он целует ее и надевает кольцо ей на палец, а потом гладит слоника в кармане, выражая свою благодарность.

Слоник лежит в кармане его брюк-хаки, когда Майлз читает первокурсникам лекцию по социологии, а Лили звонит и говорит, что у нее начались предродовые схватки. Его автомобиль не на ходу – нужен новый вариатор, на который не хватает денег, – но Ллойд на своем тягаче подвозит Майлза. Они игнорируют все светофоры по пути в клинику Мерси. Майлз попадает туда как раз вовремя, чтобы приветствовать появление своего первенца.

Слоник лежит на своем месте, когда Майлз и Ллойд стоят на слякотном тротуаре перед клиникой и курят сигары, слегка помятые в кармане у Ллойда. Майлз думает о взрывающихся сигаретах, которые он когда-то изготовил, и о том, как считал курение самым дурным делом на свете. Теперь, радостно попыхивая сигарой, он знает, что на свете есть гораздо худшие вещи. Майлз достает слоника, кладет его на ладонь и гладит в знак благодарности.

– Что это? – спрашивает Ллойд и выдыхает клуб дыма.

– Мой талисман на удачу, – отвечает Майлз.

Ллойд внимательно смотрит на слоника и спрашивает:

– Ты хоть представляешь, какой ты везучий, Майлз?

– Да, – говорит Майлз.

Да, да, да.

И каждый день, начиная с десятилетнего возраста и до нынешнего момента, будучи уже взрослым человеком, мужем и отцом, – независимо от того, насколько удачливым он себя чувствует, независимо от рационального понимания, что у него есть все, о чем он мог только мечтать, – Майлз хочет, чтобы слоник смог заговорить. Сказать ему, откуда он родом. Кто подарил его матери... и что сказал убийца в тот день, когда видел ее последнюю улыбку.

Майлз знает, что пора расстаться с прошлым, но не может этого сделать. Иногда, когда жена и новорожденный ребенок крепко спят, он украдкой заходит в свой кабинет, снимает с полки книгу, достает планы Эдисона и думает: что, если он соберет машину и она действительно заработает? Что, если мертвые могут говорить? Что, если он наконец получит ответы, которые искал все эти годы?

Майлз

31 октября 2000 года

Хэллоуин. День призраков и страшилок. Лили говорит, что в этот день пелена между мирами становится особенно тонкой. «Призраки гуляют в ночь на Хэллоуин», – сказала она однажды с такой уверенностью, что Майлз ей поверил. Значит, сегодня идеальный день для того, чтобы опробовать изобретение.

Лили сделала для маленькой Эвы костюм божьей коровки: красный флисовый комбинезон с нашитыми черными фетровыми крапинками. Она отвезла дочь на детский парад Хэллоуина в центре города. После этого будет вечеринка в библиотеке с играми, фокусами и ловлей яблок.

Так что Лили и маленькая божья коровка, трехлетняя Эва, уехали смотреть на парад со множеством мишек Барни, принцесс и пиратов. Они будут ловить яблоки вместе с вампирами и призраками. Теперь у Майлза есть остаток дня и вечер для испытания машины.

Примерно полгода назад Майлз и Лили купили старый фермерский дом в конце Бирчвуд-Лейн, извилистой и тупиковой грунтовой дороги, идущей вдоль восточного берега реки. Оттуда тридцать пять минут езды до колледжа, но Лили больше не могла жить в центре Эшфорда, где в воздухе витали серные дымы от бумажной фабрики, а вода двух рек была покрыта ядовитой пленкой, и люди говорили, что там нельзя купаться, если не хочешь отраснуть лишние пальцы. Реки полны токсичных стоков, отравлены химикатами, красителями и диоксинами, отходами целлюлозного производства. Фабрика Дженсена, машинные мастерские и литейный завод закрылись навсегда, – колледж Двуречья, где учился, а теперь преподает Майлз, находится в старом здании завода, – но один бумажный комбинат все еще работает и воняет. Агентство по охране окружающей среды грозит большими штрафами, поэтому теперь они сбрасывают в реку не так много химикатов, как раньше. Они закатывают отходы в бочки и увозят их в другие места, где это становится чужой проблемой. Лили сказала, что ей наплевать: в Эшфорде все равно грязно и полно ядов. Она хотела жить за городом и иметь просторный двор и сад для игр маленькой Эвы. Майлз построил для дочери песочницу и поставил качели. Эва может качаться целыми часами.

Сейчас Майлз находится в своей мастерской, маленьком сарае из листового алюминия на заднем дворе, и попыхивает трубкой, шуточным подарком от Лили в честь его первой преподавательской должности. Майлз смотрит на бронзового слоника, который обрел новый дом рядом с любимой фотографией его матери. На этой фотографии она сидит на диване и держит книгу, фотограф (его отец) застиг мать врасплох. Она улыбается, но рот приоткрыт от удивления.

Майлз пишет докторскую диссертацию о маленьком бронзовом слонике; впрочем, не вполне об этом, скорее, об идеях, вдохновленных талисманом, и историей, услышанной от матери. Рабочее название – «Принцесса и слон: как личные и культурные мифы и истории формируют личность и общество».

Иногда Майлз позволяет себе поверить, что какая-то частица его матери заперта в талисмане, подобно сказочной принцессе, запертой в слоновьем теле. Он гладит крошечную бронзовую спину и изгиб хобота и вспоминает, сколько раз смотрел на фигурку и ожидал, когда она скажет ему то, что он хотел услышать.

Но теперь, возможно, он нашел способ. В конце концов, сегодня Хэллоуин. Разве можно придумать лучший день для разговора с мертвыми?

Майлз смотрит на механизм, разложенный на столе: трубки и провода, катушки и конденсаторы – детали из старых радиоприемников или купленные на eBay. Последние четыре месяца Майлз потратил на сооружение секретного механизма Эдисона. Он работал в сарае за

запертой дверью, разложив перед собой схемы, никому не рассказывая, чем занимается. Когда Лили задает вопросы, Майлз говорит, что просто забавляется и пробует собирать новых механических животных вроде заводного металлического енота, который ей так нравится. Майлз думал о беседе с Ллойдом, о возможности показать ему схемы и обратиться за помощью, но это такое дело, которое нужно выполнить самостоятельно.

Майлз знает, что подумают его друзья и коллеги из колледжа, если увидят его прямо сейчас. Вероятно, он лишится работы. «Это несерьезно, Майлз, – скажут они. – Ты же не думаешь, что такая штука может работать».

Но он бы стал возражать. Он бы спросил: «Если бы вы имели подлинные планы секретного механизма Томаса Эдисона, разве вы не попробовали бы собрать его? Разве вы не захотели бы убедиться сами?»

Теперь он всего лишь занимается регулировкой и тонкой настройкой. Но на самом деле тут нечего регулировать. Машина представляет собой почти идеальную копию схематического изображения. Понадобились месяцы проб и ошибок, чтобы дойти до этой стадии, но теперь наконец все выглядит безупречно. Поэтому когда он подтягивает трубки и заново проверяет соединения, то всего лишь тратит время. Он не знает, чего больше боится: того, что машина не заработает (а это, как подсказывает рациональный ум, является наиболее вероятным результатом)? Или того, что она заработает?

Что, если она заработает и он наконец получит канал связи?

Майлз уже миллион раз мысленно проигрывал эту ситуацию. Он представлял, как наконец скажет ей то, что хотел сказать все эти годы.

«Мне жаль. Мне так жаль, что я не смог спасти тебя».

Он закрывает глаза и снова становится десятилетним мальчиком в костюме Робин Гуда, когда стрела слетает с тетивы и красное оперение скользит по его правой щеке. Он видит, как стрела снова вонзается в поясницу Человека-Цыпленка.

Майлз еще раз на удачу прикасается к слонику, включает тумблер и видит, как машина начинает светиться. Он подкручивает верньеры и выводит звук на полную мощность. Он слышит сухое потрескивание статики, как бывает в промежутке между двумя радиостанциями. Потом берет трубку.

– Алло, – осторожно произносит Майлз.

Потрескивание меняет тональность, и ему кажется, будто он что-то слышит за шумом статики: человеческие голоса, разговоры, крики, отдаленный смех, словно на вечеринке в соседнем квартале.

– Алло, – повторяет Майлз, теперь громче. – Кто-нибудь на связи? Вы меня слышите?

Ситуация кажется жалкой и дурацкой: взрослый человек обращается к самодельному радиоприемнику в надежде на ответ.

– Элизабет Сандески, – нерешительно говорит он. – Ты здесь?

Сначала он слышит только стук своего сердца. Потом треск в трубке.

«Она здесь, – ясно произносит мужской голос. – Мы все здесь».

– Мама? – с опаской спрашивает Майлз. – Ты здесь?

«Да», – отвечает более громкий женский голос, плывущий по волнам электрической интерференции. Майлз узнает этот голос, который давно слышит во снах.

– Кто он, мама? – обращается Майлз к аппарату. – Кто тебя убил?

Смутный треск статики.

– Пожалуйста, – просит он.

И тогда ломким шепотом она называет имя.

– Нет. – Его голос дрожит, живот завязывается узлами. – Нет, это невозможно.

Она повторяет имя и исчезает. Он возится с верньерами, снова и снова зовет ее, но слышит лишь шум статики.

Теперь Майлз знает, что должен сделать.

Он выключает аппарат, накрывает его брезентом и, дрожа всем телом, идет искать человека, который убил его мать.

Майлз

12 апреля 2011 года

– Майлз, я беспокоюсь насчет дождя. По радио говорят, что худшее еще впереди. Предупреждение о наводнении объявлено по всему графству. А если прорвет дамбу... мы окажемся под водой за считанные минуты. Тут уже не будет никакого предупреждения.

Лили кутается в один из своих просторных свитеров ручной вязки, ее волосы завязаны в неаккуратный конский хвост. Она по-прежнему выглядит очаровательной, но в зеленых глазах угадывается некий отблеск, который появляется лишь перед крупными неприятностями. Под глазами залегли темные круги; она плохо спала последние несколько дней, с тех пор как начался дождь.

Майлз берет ее за руку и целует костяшки пальцев, пахнущие скипидаром. Она работала в своей студии над новой серией изображений Луны на огромных полотнах. Она изображает Луну во всех фазах, которые называет Рождением, Браком, Смертью и Возрождением. На Рождество Майлз подарил ей телескоп, и Лили часами смотрит в небо, изучая Луну со всеми ее кратерами и тенями и пытаясь навести резкость на далекие звезды. Майлз предложил ей пройти курс астрономии в колледже, но Лили предпочитает самостоятельные исследования и дает вещам собственные названия.

– Дамба удержится, – обещает Майлз теперь. – Старая дамба видала гораздо худшие бури, чем эта.

Их дом находится в нескольких милях вниз по течению, на восточном берегу реки. Он стоит прямо в речной пойме, как не замедлила указать страховая компания, когда они потребовали обосновать цену страховки от наводнения. Но река еще ни разу не разливалась. Дамба, построенная Уильямом Дженсеном в 1836 году и обуздавшая силу воды для его мукомольного производства, держалась всегда. Река не выходила из берегов больше чем на несколько футов, даже в годы бурного весеннего таяния снегов и ледяных заторов.

Майлз доедает остатки супа и ломоть домашнего хлеба Лили. Дети находятся в гостиной с включенным телевизором, оттуда доносятся громкие звуки какой-то полицейской драмы, наполняющие дом стрельбой и воем сирен. Эррол и Эва лежат под телевизором и играют в криббедж на овальном тряпичном ковре. Эва выигрывает и безжалостно подшучивает над Эрролом по этому поводу.

– Ты разбит в пух и прах, – говорит она.

– Ничего подобного, – возражает он.

– Чувешь запах, да? Это большой старый скунс идет по твою душу.

Он шутливо пихает ее.

– Игра еще не закончилась, малышка Э, – говорит он.

Она делает вид, будто ненавидит это ребяческое прозвище, но Майлз знает, что она тайне любит брата. Его всегда поражала связь между этими детьми, их беззаветная любовь друг к другу. Его изумляло, как сильно Эва обожает своего старшего брата, но главное – что она не помнит того времени, когда его не было рядом, когда он не был одним из центров ее вселенной.

Сейчас у них время отдыха, но скоро они вернутся к занятиям. Дети находятся на домашнем обучении, родители вместе занимаются их образованием: Майлз преподает математику и естественные науки, а Лили учит живописи, английскому и иногда обращается к эзотерическим темам, таким как астрология и гадание. Но эти двое мало интересуются возможностью заглядывать в будущее; их корни находятся в реальном мире и настоящем времени, и они слушают эти уроки лишь для того, чтобы угодить маме. Оба учатся великолепно и намного пре-

восходят стандарты своего возраста. Эррола приняли в колледж Двуречья, где занятия начнутся осенью.

Лили смотрит на свой наполовину съеденный суп.

– Это просто... У меня весь день такое ощущение. – Она потирает затылок. – Ощущение, как будто случится что-то ужасное.

Майлз откладывает ложку и внимательно смотрит на жену. Лили верит в предчувствия; она уверена, что обладает врожденной способностью предсказывать будущее, у нее случаются видения о предстоящих событиях. И за долгие годы Майлзу пришлось признать, что она часто бывает права.

– Ну ладно. Тогда я пойду на реку, проверю уровень воды. Я уже обложил мастерскую мешками с песком, но мы можем возвести защитный барьер вокруг дома.

Он идет в гостиную и смотрит на детей, играющих в карты. Рядом с каждым из них лежат сладости: имбирное печенье для Эррола и вафельные трубочки для Эвы. В камине пылает огонь, березовые дрова искрят и потрескивают. На каминной полке стоит несколько фотографий. Там есть снимок Майлза, Лили и трехлетней Эвы, стоящих перед огромным снеговиком, которого они слепили. Еще один был сделан через год: все они стоят лагерем в Белых горах, и восьмилетний Эррол держит в руках только что пойманную форель. Рядом с этим снимком находится свадебный портрет Лили и Майлза. Ллойд стоит слева от Майлза и кладет руку ему на плечо в качестве шафера.

Иногда Майлз слышит голос Ллойда, спрашивающий его, понимает ли он, как ему везет. Майлз смотрит на детей, потом – на книжную полку в углу, где стоит книга, изменившая его жизнь. Он написал эту книгу на основе своей докторской диссертации и назвал ее «Принцесса и слон: почему мы заперты в клетке собственных мифов и как можно освободиться». Лили уговорила его расширить диссертацию, упростить некоторые части и написать книгу в жанре популярной психологии и самосовершенствования. Она всегда интересовалась подобными книгами, особенно если они имели уклон в тематику «нью-эйдж». На полках ее художественной студии полно книг по медитации, работе со сновидениями и использованию творческих способностей для духовного самовыражения. С помощью Лили Майлз нашел небольшое издательство в Нью-Гэмпшире, и, ко всеобщему удивлению, продажи пошли хорошо.

Разумеется, книга не стала бестселлером, но вокруг нее образовался небольшой культ последователей. Люди начали приходить в колледж, чтобы послушать лекции Майлза, и записывались на его курсы социологии. Число подписчиков росло, и руководство колледжа обратилось к нему с предложением разработать курс на основе книги. Книга сделала Майлза «звездным» профессором из колледжа Двуречья.

– Эррол, – говорит Майлз, оторвав взгляд от книжной полки и снова глядя на детей.

– Да? – Юноша поднимает голову. В свои семнадцать лет он высокий и еще довольно неуклюжий, но крепкий и жилистый. Его темные волосы давно нуждаются в стрижке, но он любит закрывать ими шрам на лбу над левым глазом. Они никогда не говорят о происхождении этого шрама, но оба хорошо помнят, что случилось.

– Надевай резиновый плащ, – велит Майлз. – Мы уложим перед домом мешки с песком. Еще нам нужно посмотреть, как близко вода подступила к дороге возле излучины.

Эррол широко распахивает глаза.

– Если дорогу размочит у излучины...

– Знаю. Тогда мы застрянем здесь. Но у нас в подвале полно припасов. Кроме того, мы всегда можем эвакуироваться на лодке.

– Круто... у нас будет собственный остров! – произносит Эррол. – Полностью отрезаны от мира.

Лили входит в гостиную. Она плотнее кутается в свитер и передергивает плечами.

– Мне кажется, это совсем не круто, – говорит она. Майлз обнимает ее и целует в щеку.

– Можно я тоже помогу? – спрашивает Эва, засовывая в рот молочно-розовую вафельную трубочку. – Я хочу выйти с вами и посмотреть, не размыло ли дорогу.

– Ты можешь проверить мастерскую, – говорит Майлз. – Убедись в том, что дыра в крыше, которую мы подлатали, больше не протекает и что мешки с песком находятся на месте.

Эва вскакивает и топает по полу в новых ковбойских сапогах вишневого цвета. Ей так хотелось иметь эти безумные сапоги, что Лили купила их ей на день рождения две недели назад. Майлз тоже сделал дочери особенный подарок: талисман в виде слоника на длинной золотой цепочке. Эве всегда нравилась эта фигурка, и Майлз решил, что пора расстаться с прошлым и позволить дочке найти лучшее применение его амулету. С тех пор она носила его ежедневно, и бронзовый слоник украшал каждый тщательно подобранный наряд. Маленькой девочке, которая бегала вокруг с растрепанными косичками в грязном комбинезоне, теперь исполнилось четырнадцать лет, и у нее внезапно появилось чувство стиля: она стала носить обуженные джинсы, заткнутые в сапоги, длинные легкие шарфы и висячие серьги от Лили. Майлз даже заметил, что Эва время от времени пользуется макияжем, понемногу заимствуя у матери тени для глаз и блеск для губ. Нет больше той девочки, которая доверху нагружала свою кровать куклами и мягкими игрушками; теперь Эва превратила свою розовую комнату в багряно-фиолетовую и расклеила там плакаты музыкальных групп. Единственная кукла, которую она оставила, была изготовлена Майлзом: это говорящая кукла Мина, которая каждый вечер пела Эве колыбельную, если дернуть за проводок на шее. «Баю-бай, крошка», записанная Майлзом и напеваемая писклявым кукольным тоном.

– Может быть, нам лучше просто уехать, – предлагает Лили с легкими нотками паники в голосе. – Сесть в автомобиль и переждать бурю где-то в другом месте.

Майлз думает о своей мастерской и о том, что хранится под брезентом на верстаке. Изобретение Эдисона уже долгие годы остается скрытым от глаз. Время от времени Майлз разворачивает аппарат и смотрит на него, но никогда не включает.

Ни разу с того вечера на Хэллоуин одиннадцать лет назад.

Майлз так ничего и не сказал об этом Лили. Она знает о механизме в его мастерской, но Майлз не стал ей говорить о том, что случилось в тот раз, когда он включил устройство. «Оно ничего не делает, только гудит и потрескивает», – сказал он, когда Лили спросила. Иногда ему кажется, что нужно уничтожить аппарат, но Майлз так и не смог заставить себя поднять кувалду.

– Нет, – говорит он теперь. – Мы остаемся, по крайней мере еще на время.

Он снова целует Лили, на этот раз в лоб, как будто его поцелуй может отогнать все темные мысли и предчувствия.

– Не беспокойтесь, миссис Сандески, – говорит Майлз. – У нас все будет хорошо.

Но ее взгляд говорит о том, что она не повелась на его обещание.

Он надевает свой плащ-дождевик и сапоги и открывает парадную дверь. Эррол и Эва следуют за ним. Дождь стучит по капюшону плаща и задувает в лицо, оставляя бисеринки воды на очках, которые уже начали затуманиваться. Хотя сейчас лишь два часа дня, небо потемнело почти как ночью. Где-то за двором река ревет, как дикий зверь, жаждущий вырваться на свободу.

– Эррол, – говорит Майлз, перекрикивая шум дождя. – Я хочу, чтобы ты сходил по дороге к излучине реки. Посмотри, как высоко стоит вода и не покрыла ли она дорогу. Мы с Эвой проверим мастерскую. Потом мы начнем обкладывать дом мешками с песком.

– Да, сэр, – отвечает Эррол и уходит по подъездной дорожке, довольный своей миссией.

Эва бежит к мастерской, добирается туда раньше Майлза и входит внутрь. Две секунды спустя она высовывает голову из-за двери.

– Отец! – встревоженно кричит Эва. – Иди сюда, скорее!

Он бежит через двор, скользя по мокрой траве. Когда Майлз врывается в мастерскую, Эва выглядит раскрасневшейся и испуганной. Он оглядывается по сторонам и не видит ничего необычного.

– В чем дело? – спрашивает он.

Эва. Его умная дочь, которой нравятся его изобретения и механические вещи. Она приходит в мастерскую и заводит игрушечных животных; она радуется, когда находит потайные отделения, спрятанные в некоторых из них, – например, у енота с крошечной дверцей на груди, которая распахивается, если дернуть его за ухо особым образом. Майлз иногда прячет в таких тайниках сласти и другие сокровища, зная о том, что Эва найдет их. Она помогала ему в мастерской с тех пор, как научилась ходить, подавала гаечные ключи и поддерживала огонь в кузнице. Эва всегда хочет слышать истории о том, что происходило раньше; она слушает внимательно и кивает головой, запоминая подробности. *«Расскажи мне о том, как ты познакомился с мамой. Расскажи мне о том, что случилось с бабушкой и дедушкой».*

– Они погибли, – отвечает Майлз. – Это был несчастный случай.

Это его единственная ложь для дочери; он просто не в силах сказать правду. Эве нравится фотография бабушки, которая стоит над верстаком Майлза.

– Как думаешь, я похожа на нее? – однажды спросила Эва.

– Может быть, немножко, – сказал он. – В основном ты похожа на маму, и это очень здорово, потому что она самая прекрасная женщина на свете.

Эва наморщила носик.

– Мама хорошенькая, но бабушка похожа на кинозвезду.

Теперь Эва указывает на аппарат в углу верстака, по-прежнему покрытый брезентом.

– Я слышала голос.

Две пряди рыжих волос выбиваются из-под ее желтого плаща. Дождь капает с лица. Зеленые глаза кажутся огромными. Она всегда была зачарована аппаратом, но в последнее время побаивалась его. А теперь она просто в ужасе.

– Что он делает, папа? – спросила она однажды, когда была помладше.

– Ну, Эдисон полагал, что это особенный телефон. Такой, который позволяет разговаривать с мертвыми.

– Это невозможно, – заявила она.

– Наверное, – ответил Майлз. – Но, если помнишь, люди когда-то считали чудом электрическую лампочку. И кино. И телеграф.

Он подходит к верстаку, снимает брезент, и Эва приглушенно вскрикивает.

Машина включена, трубки светятся. Она ровно гудит, в динамике потрескивают статические разряды. А потом возникает голос, – не случайный радиосигнал, какая-нибудь ведущая музыкальной программы, – нет, этот голос Майлз узнает сразу.

«Опасность, – говорит его мать. – Вы в опасности».

Майлз поворачивается и смотрит на Эву, которая тяжело дышит открытым ртом, вне себя от страха.

Потом Элизабет говорит снова, и ее голос звучит громче и настоятельнее: *«Он здесь!»*

Сигнал пропадает, и не остается ничего, кроме слабого гула.

– Кто здесь, папа? – спрашивает Эва странно безжизненным и тихим голосом.

– Не знаю, – говорит Майлз. Он возится с настройкой, потом хватается трубку и говорит туда: – Алло? Алло? Мама, ты еще там?

С трубкой в руке он глядит в окно над верстаком в сторону подъездной дорожки, где Эррол стоит перед автомобилем и смотрит на ветровое стекло. Там, под щеткой стеклоочистителя, застряло что-то похожее на кусок мусора, принесенного штормом; что-то яркое и разноцветное, красное и желтое, почти блестящее на фоне серого выцветшего пейзажа. Эррол берет предмет, и Майлз сразу же понимает, что это такое.

– Не может быть, – говорит он и опускает трубку. Тихое шипение статики волнами накачивается на него.

В окне Эррол поднимает резиновую маску цыпленка, вертит ее в руках, разглядывает. Человек-Цыпленок мертв: Майлз знает это точно. Знает, потому что сам убил его.

– Что это такое, папа? – спрашивает Эва.

Майлз поворачивается к ней.

– Милая, ты должна бежать в дом и запереть все двери. Сделай это быстро, но тихо. Не тревожь маму. И не открывай дверь никому, кроме меня или Эррола!

– Но кто...

– Иди! – велит он. – Скорее!

Она бежит из мастерской к дому, мимо Эррола, который спешит в мастерскую с цыплячьей маской в руке. Когда он вламывается в дверь, то тяжело дышит и стряхивает капли дождя.

– Папа...

Майлз резко кивает.

– Я знаю.

– И река залила дорогу, – говорит Эррол. – Пока еще неглубоко, но уровень быстро поднимается. Правую обочину уже размывло.

Майлз берет в руки резиновую маску и смотрит в пустые глазницы.

– Это все я виноват, – говорит Эррол. Он плачет, его плечи трясутся, когда он пытается сдерживать рыдания.

– Нет, ты не виноват, – говорит Майлз.

Майлз смотрит через открытую дверь на дом, потом на реку. Он кладет маску на верстак, затем подходит к наковальне в углу и берет самый тяжелый железный молот.

– Эррол, я хочу, чтобы ты разрушил все, что есть в мастерской.

– Но ты не можешь...

– Разбей все на куски.

– Но твой аппарат!

– Я могу снова собрать его. Схемы находятся в надежном месте.

– Где? – спрашивает Эррол.

– Твоя сестра знает, где их найти.

Эррол таращится на него, испуганный и озадаченный. Несмотря на рост и крепкое телосложение, он больше похож на мальчика, чем на молодого мужчину.

– Уничтожь здесь все, и поскорее, – повторяет Майлз. – Потом подготовь лодку. Возьми в гараже весла и спасательные жилеты. Убедись, что в навесном моторе есть бензин. Мы встретим тебя у причала через пятнадцать минут. Если мы не придем, залезай в лодку и поезжай к Миллерам. Позвони от них в полицию.

– Но я...

– Делай, как я говорю, – командует Майлз, окидывая мастерскую последним взглядом. Он открывает дверь как раз в тот момент, когда раздается звук разбитого оконного стекла, сопровождаемый криком Лили.

С молотом в руке Майлз пускается бежать.

Потом

Некко

Мальчики из католической школы на другой стороне улицы приходят посмотреть на нее, распевая куплеты и шастая вокруг, словно игривые щенки в синих блейзерах и красных галстуках. Они верят в Иисуса и Отца Небесного. Они верят, что тело Христово обитает в безвкусных, бумажно-тонких облатках, а его кровь – в разбавленном вине, которое покупают галлонами. Вот и слава богу. Аллилуйя.

Некко любит вино. Иногда мальчики приносят ей немного вина. Они называют ее Дикой Розой Ирландии. Буревестницей. Сладкой, как «Кул-Эйд»⁶. Иногда они приносят пиво. Теплое пиво в мятых банках, которое целый день носили в кармане. Когда она открывает банки, они брызжут, как гейзеры, заливая ее и мальчишек, отчего они хохочут.

– Эй, Огненная Дева! – кричат они. – Ты дома?

Она не знает, как долго они приходят к ней. Она даже не знает точно, как долго она живет во Дворце. Четыре месяца? Может быть, уже полгода? Она стала жить здесь после того, как умерла мама, сразу же после того, как сошлась с Гермесом. Она просит Надежду рассказать ей, но кукла не в ладах со временем. Когда папа только сделал ее, она умела петь, но в какой-то момент утратила эту способность. Некко до сих пор помнит ее забавный высокий голосок, напевающий «Баю-бай, крошка».

У Надежды тогда было другое имя. Но это имя осталось позади, как и старое имя Некко. Она постаралась все забыть.

Дворец представляет собой ржавый «Понтиак» без покрышек, брошенный на пустыре. Раньше тут был кирпичный дом, типография со старым печатным прессом, но от дома остался лишь кусок выкрошенной стены высотой не более шести футов, увитой плющом. Участок зарос кустами сумаха, пасленом, цикорием, тысячелистником и молочаем: природа отвоевывала то, что было отобрано у нее. Здесь годами сваливали всякий хлам, и к кучам кирпичей и гнилых досок прибавились посудомойка и сушилка, бак для мазута с пулевыми пробоинами, сломанная магазинная тележка, старые покрышки и ржавые пружинные матрасы. Теперь все это обеспечивает превосходное укрытие, и «Понтиак» сливается с пейзажем, как еще одна выброшенная и загубленная вещь.

Некко находит среди хлама и другие предметы: маленькие металлические буквы, шестеренки от механизмов. Она хранит эти вещи и складывает их отдельно. Они напоминают об отце и о его мастерской, полной разных приспособлений и механизмов. Она приходила к нему и часами сидела на табурете, наблюдая, как он работает над своими изобретениями, и передавая инструменты с чудесными названиями, вроде разводного ключа или круглогубцев. Она заводила его зверушек, смотрела, как они ходят и парят, тщательно проверяла их в поисках тайников, где иногда скрывались сюрпризы: шарики жевательной резинки, круглые вишневые леденцы, искристые мятные конфеты. Она поддерживала огонь в его кузнице и смотрела, как отец гнет и формует горячий металл, словно речную глину. Отец носил кожаный фартук и насовистывал за работой. В основном старые джазовые композиции.

– Огненная Дева, Огненная Дева! – кричат мальчишки, распевая импровизированную песенку, обходят кирпичную стену и зигзагами пробираются через кучи хлама. Они суют голову в ее парадную дверь, которая на самом деле представляет собой выбитое ветровое

⁶ «Кул-Эйд» – безалкогольный растворимый напиток, продаваемый в пакетиках и популярный в США (прим. перев.).

стекло, закрытое ветхой занавеской. Такие занавески были в старых фургонах с маленькими ковбоями и лошадьми. Проснись и пой.

На приборной панели находится часть постоянно растущей коллекции сокровищ: крошечный птичий череп, шестеренки и буквы от печатного пресса, донышко бутылки, которым Некко иногда пользуется как увеличительным стеклом для разжигания огня, и мотоциклетные очки, полученные от Гермеса.

– Покажи нам, Огненная Дева, – велит один из мальчиков. Новые школьники приходят постоянно, и она ждет в «Понтиаке», как королева на троне. Но она ничего не показывает бесплатно, нет. Мальчишки знают это и приносят подарки: серебряные монеты, мятые доллары, украшения со сломанными застёжками, сладости и шелковые шарфы, украденные у матерей. Гермес говорит, что она должна брать деньги, но ей нравятся эти маленькие подарки. Больше всего она любит сладости: минеральную тянучку, шоколадные батончики с ореховыми хлопьями, красные и белые мятные конфеты, которые тают на языке и похожи на рождественское утро. Она редко говорит с ними, поэтому они не знают ее любимые сладости. Вафельные трубочки и круглые вафли «Некко». Это было ее любимое угощение, когда она росла, еще до Потопа. Потом, когда она пропиталась речной водой и выкашливала ее из легких, как русалка, которая учится дышать воздухом, мама спросила ее, хочет ли она чего-нибудь, – вообще, что угодно, – и она ответила, что хочет эти вафли. Тогда мама засмеялась, громко и облегченно, и стала называть ее Некко.

Сегодня мальчишки привели девочку, что довольно странно и меняет общее впечатление от раннего вечера. Девочки обычно не приходят; они слишком боятся переходить улицу, боятся обжечься или порезаться, боятся, что их поймут монахини со злыми лицами.

Новая девочка сама по себе странная: очень высокая и худая, с грязными светлыми волосами и красной помадой на губах. Она выглядит старше, чем яркоглазые мальчики, которые толпятся вокруг нее, и опытнее. Вокруг шеи, над тусклой школьной униформой из белой рубашки, синего блейзера и красного галстука, она носит багряный вязаный шарф, слишком теплый для такой погоды и контрастирующий с цветами школы. Вместо черных лаковых туфель «Мэри Джейн», какие носят другие девочки, на ней поношенные туфли «Док Мартенс» с пушистыми полосатыми гетрами земляного оттенка. Ее длинные пальцы запачканы краской и чернилами, ногти короткие и неровные. Это руки художницы – руки, которые напоминают Некко о матери, когда та выходила из своей художественной студии. Новая девочка кладет руки на капот «Понтиака» и барабанит пальцами с таким видом, словно могла бы найти им лучшее применение. Мальчики собираются вокруг и наставляют ее.

– Дай ей подарочек, и она покажет тебе, – говорит мальчик, ближайший к ней – один из старших, которого Некко презирает за его нахальную уверенность. Его зовут Люк.

– Не позволяй ей прикасаться к тебе, – добавляет веснушчатый мальчик. – Она может стрелять огнем из-под ногтей.

Некко улыбается и вытягивает руки, напоказ похрустывая косточками.

– Она больше всего любит сласти, – говорит другой. – Все сладкое.

– Не знаю, что у меня есть, – говорит девочка и снимает свой школьный ранец – вещмешок из армейской зеленой ткани с мультяшными надписями «Сомневайтесь во власти», «Нормальные люди пугают меня» и «Я жду зомби-апокалипсиса». Она начинает искать и кладет мешок на капот автомобиля, чтобы порыться там обеими руками.

Наконец она достает старенькую коробочку «Good & Plentys» с бело-розовыми конфетами, которые перекатываются внутри, словно таблетки.

– Там осталось немного, но можешь забрать себе, – говорит она и бросает коробочку в направлении Некко. – Подожди, – добавляет девочка. – Вот. – И она снова роется в мешке, прежде чем достать две розовые вязальные спицы и клубок алой пряжи цвета ее шарфа. Какое-то мгновение девочка медлит, прежде чем передать их.

– Это лучшее, что у меня есть, – говорит она.

Некко с радостью принимает спицы и пряжу. Они напоминают ей о чем-то, происходившем задолго до Потопа: мать сидит в углу у камина и вяжет длинный, узловатый шарф. Успокаивающее *клик-клик* вязальных спиц. Волосы матери аккуратно причесаны и собраны в косу и не похожи на спутанную рыжую массу, в которую они превратились после Потопа.

Там был Эррол. Он сидел у маминых ног, перемешивал колоду карт, улыбался маме и дразнил ее, дергая за конец пряжи, словно шаловливый котенок.

– Я тоже хочу шарф, – сказал он. – Хочу такой же, как у малышки Э. Или свяжи такой длинный, чтобы мы с ней могли вместе обернуть шею. Тогда мы будем похожи на близнецов, которые рождаются прикрепленными друг к другу.

– Соединенными друг с другом, – поправил отец. Он сгорбился над блокнотом, делая записи и попыхивая трубкой с вишневым табаком. Некко улыбнулась: ей понравилась идея о такой связи со старшим братом как предлог никогда не расставаться с ним.

Сейчас она моргает, и воспоминание исчезает, размотанное, как нить пряжи. Она приучила себя к этому: останавливать воспоминания, прежде чем они становятся слишком тягостными. «Опасно думать о прошлом», – так говорила мама. Поэтому Некко отпускает воспоминания и прячет их до того, как они успевают причинить вред.

С бьющимся сердцем, испытывая неожиданную нервозность, она закатывает правую штанину, открывая пристегнутые к ноге нож и зажигалку, в самодельном чехле, изготовленном Гермесом.

Новая девочка заглядывает внутрь. Она взволнована и увлечена, но один из мальчиков тянет ее назад.

– Осторожно, она опасна, – предупреждает Люк. – Я слышал, что она как-то вырезала парню селезенку за то, что он косо посмотрел на нее.

Некко улыбается, но ничего не говорит и вытаскивает зажигалку из чехла. Девочка улыбается в ответ; это заговорщицкая улыбка, «мы-против-них».

Дети расступаются, образуя неровный полукруг; большинство из них делали это уже много раз и знают правила. Но они никогда не устают от повторения. Потянувшись, Некко берет с приборной доски свечку и ватный шарик. Она зажигает свечу, прячет шарик в ладони, а потом устраивает спектакль, убирая зажигалку в чехол таким образом, чтобы все видели нож и гадали, не захочет ли она на этот раз вытащить его. Они пришли посмотреть на опасную Огненную Деву.

Фокус лучше всего удастся в темноте, но она научилась быстро проделывать его при свете, как мама. Некко не настоящая Глотательница Пламени, как ее мать, но она выучила несколько дешевых фокусов. Достаточно, чтобы заработать немного денег на расходы.

Она смотрит на пламя свечи и проводит над ним правой рукой, делая хватательное, тянущее движение в сторону пламени. Потом, когда шарик воспламеняется, она держит огонь между большим и указательным пальцами.

Новая девочка смотрит широко распахнутыми глазами. Над ее верхней губой образуется капелька пота.

Некко быстро описывает огненным шариком ритуальный круг в воздухе, потом открывает рот и сует туда шарик. Она плотно закрывает рот и выпускает дым через ноздри.

Все аплодируют, кричат и улюлюкают. Некко отвешивает маленький поклон. Мальчишки шаркают ногами; они знают, что пора уходить, но не хотят, чтобы представление заканчивалось.

Потом девочка делает то, чего никто из них не делал раньше: она протягивает руку, прикасается к плечу Некко и говорит:

– Спасибо. Это было потрясающе.

Мальчишки громко хохочут.

– Огненная Дева потрясающая! – кричат они с раскрасневшимися лицами.

– Выходи за меня, Огненная Дева, – просит один из них, засунув руки в карманы аккуратно отглаженных школьных брюк. – Ты когда-нибудь спала в настоящей постели, Огненная Дева? А? Скажи мне!

Некко смеется. Пареньку на вид не больше пятнадцати.

Она не говорит ему, что когда-то спала на кровати под балдахин, покрытой разноцветными лоскутными одеялами ручной работы. Ее комната была багряной, а на прикроватном столике стояла лампа с витражным абажуром. Отец сделал круг из стрекоз с бумажными телами и огоньками внутри, и этот круг окружал ее постель; их крылышки тихо шелестели от легчайшего ветерка.

Кукла Надежда сидела в изголовье постели, ее лицо было новым и чистым, розовое бумажное платье – свежим и без единого пятнышка. Если потянуть сзади проводок, она пела песенку.

– Выходи за меня, – настаивает мальчишка, блестя глазами.

Иногда мальчишки предлагают Некко заниматься другими вещами. Грязными вещами. Наглый паренек по имени Люк уже пробовал это раньше. «Я дам тебе двадцать баксов, если ты отсосешь, Огненная Дева. Готов поспорить, твой ротик может глотать не только огонь». Они предлагают деньги, обещают достать все, что она захочет. Но она всегда качает головой. Некко редко говорит с ними; это часть ее власти. Если они становятся слишком настойчивыми, она показывает им нож. Однажды мальчишка подобрался слишком близко и положил руку ей на грудь, и Некко ударила его в живот с такой силой, что он согнулся пополам.

– Тео Любит Огненную Деву! – выкрикивает веснушчатый мальчик. Новая девочка оборачивается, со всей силы наступает ему на ногу, и тот визжит от боли. Другие мальчишки смеются еще громче, и Некко присоединяется к ним. Почти на полминуты она превращается в нормальную девушку.

– Представление закончено! – грохочет голос, и очарование момента разбивается вдребезги. Длинная и стройная тень Гермеса надвигается на мальчишек, когда он размахивает своим рюкзаком, как тяжелой дубиной. – Давайте! Пошли отсюда, если не хотите платить по новой! – рычит он, словно обращаясь к стае бродячих собак, выпрашивающих объедки.

Дети расползаются, как муравьи. Девочка уходит последней; она машет Некко и улыбается ей, потом бежит к остальным. Она перебрасывает через плечо длинный конец алого шарфа, петляя между старыми матрасами и исчезая через дыру в стене, ведущую на улицу.

– Почему ты позволяешь им так долго околачиваться вокруг тебя после фокуса? – спрашивает Гермес, забрасывая свой рюкзак в машину. Его темные волосы падают на глаза, и Гермес отбрасывает их назад. У него напряженный и расстроенный вид. – Это же не твои друзья, они вообще никто. Они приходят посмотреть на твой фокус с огнем, который ты проделываешь снова и снова. Мне противно, что тебе приходится заниматься этим ради подачек.

– Мне нравится этот фокус, – признается Некко. – И я не возражаю, что они околачиваются вокруг; они меня забавляют.

– Мне не нравится, что ты занимаешься этим, пока меня нет рядом, – говорит Гермес. Он кладет свой рюкзак и начинает рыться внутри. – И мне не нравится, как некоторые из этих ребят смотрят на тебя.

Его взгляд выдает отчасти ревность, отчасти беспокойство.

– Я могу постоять за себя, – говорит Некко. – И сегодня приходили не только мальчишки. С ними была девочка.

Она смотрит на вязальные спицы у себя в руках; потом ее внимание привлекает предмет, лежащий на капоте «Понтиака». Девочка забыла свой ранец. Некко ищет ее взглядом, хочет окликнуть, но уже слишком поздно: она скрылась из виду.

Гермес отвлекается от своего рюкзака и сосредоточенно хмурится.

– Что у тебя тут? Очередной подарок?

– Ничего особенного, – отвечает Некко и прижимает ранец к груди.

Он пожимает плечами и возвращается к своему рюкзаку.

Когда Некко заглядывает в ранец, то видит обычные вещи: школьный пропуск, ручки, блокнот, учебник по химии и пару книжек, одну из которых она узнает сразу же: «Принцесса и слон» доктора Майлза Сандески. С сильно бьющимся сердцем, задерживая дыхание, она собирается достать книгу и крикнуть Гермесу: «Смотри, это книга моего отца!»... но это будет чересчур. Они не разговаривают о своей предыдущей жизни. Дрожащими руками она запикивает книгу на дно ранца и поворачивает ее так, чтобы видеть фотографию отца на обложке: он в очках и в своем любимом вельветовом пиджаке улыбается в камеру, улыбается ее матери, которая делала снимок. Некко никогда не читала отцовскую книгу. Возможно, она сделает это потом, когда Гермеса не будет рядом.

В самом низу, рядом с тем местом, куда Некко запихнула отцовскую книгу, лежит толстый конверт, перехваченный резинкой; она понимает, что он набит деньгами. Рядом с ним находится прозрачный пластиковый пакет, полный таблеток и капсул, ярких, как леденцы. Она не знает, сколько денег в конверте, но, похоже, целая куча. У нее возникает желание достать конверт и показать Гермесу, но что-то удерживает ее. Она думает об улыбке девочки, о прикосновении ее пальцев к своему плечу, о том, что кто-то впервые не побоялся прикоснуться к Огненной Деве.

«Потрясающе».

Некко убирает ранец под переднее сиденье. Потом поворачивается к Гермесу, протягивает руку, гладит его волосы. Когда он оборачивается к ней, она целует его.

У него есть шрам на губе в том месте, где у большинства людей есть небольшая ямочка – отдаленное напоминание о животных, которыми мы когда-то были. Она знает об эволюции: отец учил ее этому, показывал книги с изображениями первобытных людей и объяснял, что все млекопитающие происходят от общего предка.

Шрам Гермеса выглядит так, словно его губа рассечена посередине, как у белки или кролика; нечто маленькое, мягкое и уязвимое. Ей нравится целовать его в это место и чувствовать выпуклую кожу, где нет шетины.

Некко делает это теперь, прикасаясь губами к его коже нежно, как мотылек.

– Расскажи мне, – просит она без необходимости заканчивать фразу. Гермес знает, чего хочет Некко, он может читать ее мысли. Она верит, что они были избраны друг для друга судьбой. Что если бы все было по-другому, если бы они встретились раньше, а не здесь, на улице, то однажды могли бы пожениться. И иметь целый выводок малышей с чудесными лицами. Может быть, они отправили бы их в католическую школу, где дети узнают о Святом Духе.

– Слушай, я уже тысячу раз рассказывал, – говорит Гермес.

– Расскажи снова, – воркует Некко. – Пусть будет тысяча и один раз.

– Я упал с лошади, – раздраженно откликается он.

Она представляет, как он скачет по пустыне на диком жеребце – так же, как ковбои на занавеске. Они почти не разговаривают о своей прежней жизни. Гермес всегда говорит:

– Не было никакого «раньше». Есть только мы, и это все, что имеет значение.

Гермес старше, чем школьники в красивых блейзерах. Он уже покончил со средней школой. Прошлой осенью он поступил в колледж для изучения информатики, но говорит, что колледж – это лишь часть машины для зомбирования, а отец все время пинал его и предъявлял завышенные требования, поэтому он бросил колледж после первой недели занятий. Собрал немного вещей в рюкзак и ушел жить на улицу.

– К черту колледж. К черту моего отца. Я не собираюсь превращаться в быдло и делать то, чего от меня ожидают.

Он носит ботинки с высоким берцем, зеленые армейские штаны и длинный брезентовый плащ. А еще у него всегда при себе огромный охотничий нож в кожаных ножнах на поясе, фонарик, отвертка, фомка, мотки клейкой ленты и репшура. Он считает, что нужно быть готовым ко всему.

– Гермес был посланцем богов, но это еще и бог воров, – однажды объяснил он и подмигнул.

Вот как теперь выживает ее Гермес: он посещает многолюдные места во время перерыва на ланч и возвращается с рюкзаком, набитым бумажниками, мобильными телефонами, нетбуками и стодолларовыми перьевыми ручками с чернилами, синими, как океан на детских рисунках. Иногда он приносит целые чемоданчики. Он разбирает электронику, чистит детали и продает их. В городе у него есть парень, который платит наличными и не задает вопросов.

– Вот где все происходит, Некко, – говорит Гермес. – В реальном мире. Это все, что имеет значение.

Она знает, что на самом деле его зовут по-другому. Однажды он прошептал ей свое настоящее имя, всего лишь через несколько дней после знакомства, в тот день, когда они нашли Дворец и поселились там. Они лежали в обнимку на заднем сиденье, его пальцы переплетались с ее пальцами.

– Как тебя зовут по-настоящему? – спросил он. – Назови мне свое прежнее имя.

Ее тело напряглось.

– Если я скажу, тебе придется назвать свое имя.

– Хорошо. Но обещай никогда не называть меня так. Того человека больше нет. А я обещаю, что не буду называть тебя прежним именем. Ты для меня Некко, отныне и навеки.

Тогда она назвала ему свое имя. А он поцеловал ее в ухо и прошептал туда свое имя, *Мэттью*, и оно было прелестным на слух, словно золотой шарик, соскользнувший с его языка.

Мэттью.

Он никогда не называл свою фамилию. Ей известно лишь, что его отец – какая-то важная персона. Человек, у которого *больше денег и власти, чем у бога*, по выражению Гермеса. Но Гермесу были не нужны отцовские деньги. Он отказался от своей семьи, и его отец нанял частного сыщика, чтобы выследить Гермеса и доставить его домой.

– Ты можешь в это поверить? – иногда спрашивает он. – Мой отец платит кому-то, чтобы ухватить меня за задницу!

Некко не отвечает. По правде говоря, она *может* в это поверить. Если она потеряет его, то отдаст все, что у нее есть, лишь бы кто-то привел его обратно.

* * *

История о том, как Некко оказалась на улице, не похожа на историю Гермеса. Это не было сознательным выбором. Им пришлось это сделать, по крайней мере, так говорила мама. И хотя Некко наполовину сомневалась в маминых словах после Потопы, разве у нее был выбор? Мать была всем, что у нее осталось, и они должны были держаться вместе, невзирая на обстоятельства.

Больше всего Некко беспокоит то, что у нее не осталось воспоминаний о самом Потопе, о том самом событии, которое довело их до такой жизни.

Некко уверена, что это произошло из-за шишки на голове. Удар вышиб из нее все воспоминания о пережитом в тот день. Когда мать нашла ее на следующее утро после Потопы, у Некко была глубокая вспухшая рана на затылке.

– Оно и к лучшему, – неизменно говорила мама, когда Некко жаловалась на потерю памяти. Некко осаждала ее вопросами, просила подробно рассказать, что на самом деле про-

изошло в тот день, но мама лишь качала головой и говорила, что их прошлое теперь не имеет значения.

Мисс Эбигейл и другие Глотатели Пламени обнаружили Некко и ее мать через несколько дней после Потопа. Они с мамой пытались разжечь костер у реки, чтобы подогреть банку супа, украденную Некко в магазине. Они продрогли и проголодались, и Некко больше всего на свете хотелось вернуться домой.

– Пожалуйста, мама, – умоляла Некко. – Разве мы не можем хотя бы еще разочек вернуться домой?

Ей хотелось вернуться, чтобы спасти побольше своих вещей: теплую одежду, книги, любимые ковбойские сапоги.

– Нет, – строго ответила мама. – Мы больше не сможем вернуться туда. Там ничего не осталось. Наводнение унесло все, и дома больше нет. Твой отец и Эррол мертвы. Кроме того, возвращаться опасно.

– Но, мама...

– Послушай меня, Некко. Один плохой человек разыскивает нас. Это очень плохой человек. И он наблюдает за тем местом в надежде, что мы вернемся посмотреть, не осталось ли чего-то ценного. Обещай мне, что ты никогда не вернешься туда.

В голове у Некко вертелись тысячи вопросов – о наводнении, о том, кем был тот плохой человек, о том, как умерли отец и Эррол.

– Но я только...

– Обещай, – повторила мама, вцепившись пальцами в руку Некко и глядя на нее лихорадочно горящими глазами.

– Обещаю, – сказала Некко, и мама отпустила ее. Некко зажгла очередную спичку и поднесла ее к скомканной отсыревшей газете, безуспешно пытаясь развести огонь.

Полчаса спустя Некко оторвалась от так и не разведенного костра и увидела четырех женщин, приближавшихся к ним. У старшей были длинные, неухоженные седые волосы, перевязанные разноцветными тряпицами, она возглавляла группу.

– Меня зовут мисс Эбигейл, – сказала она. – Мы с подругами – мисс Ф., мисс Корал и мисс Стеллой – встали лагерем примерно в четверти мили ниже по течению, под мостом Блэчли. У нас есть кров, огонь и много еды. Вы присоединитесь к нам?

Мама покачала головой:

– Нам и так хорошо.

Мисс Эбигейл огляделась по сторонам.

– Место, где вы находитесь, не безопасно. Мы сможем защитить вас и девочку.

– Почему вы думаете, что мы нуждаемся в защите? – спросила мама, глядя пожилой женщине прямо в глаза.

– Великая Мать сказала нам. Она предупредила о вашем приходе. Она сказала, что мы должны дождаться вас и помочь. Еще она сказала, что есть злые силы, которые действуют против вас.

Одежда женщин была ветхой и потрепанной. Явно бездомные и безумные, они принадлежали к тем людям, от которых в прежней жизни мама держала Некко подальше, которых она обошла бы стороной, заведя на улице.

– Великая Мать? – спросила мама.

Мисс Эбигейл улыбнулась и протянула руку:

– Идемте с нами. Мы все объясним, только останьтесь на одну ночь. Вы согреетесь, поедите и послушаете то, что мы скажем. Если утром вы захотите уйти, дело ваше.

Мама и Некко последовали за женщинами в их лагерь и расселись вокруг пылающего костра. Женщины жили в хижинах, сложенных из грузовых палет, плавника, старых досок и

брезента. Они ковшиком разливали по деревянным мискам овощной суп из литого железного котелка.

Некко съела три миски, изучая этих странных женщин в пляшущих отблесках огня. Мисс Стелла была молодой американкой азиатского происхождения, не более двадцати на вид. Ее волосы были выбриты с одной стороны, но с другой стороны остались достаточно длинными, чтобы затянуть «конский хвост». Она носила черные леггинсы и шерстяное пончо, и, насколько Некко могла видеть ее тело, с головы до ног была покрыта пирсингом и татуировками. Мисс Стелла проявила особенный интерес к Некко, следила за тем, чтобы ее миска оставалась полной, а потом накинула ей на плечи одеяло, чтобы согреться.

Мисс Корал носила толстые круглые очки в черной оправе, а ее темные волосы были собраны в тугий узел на затылке. Некко она напоминала библиотекаршу. Мисс Ф. была крошечной женщиной с грязными светлыми волосами и свирепыми глазами. Она казалась полудикой, как будто была готова впиться человеку в лицо зубами и ногтями.

– Судьба привела вас к нам, – сказала мисс Эбигейл, когда они покончили с ужином. Она была одета как странный персонаж из мультфильма, с тремя разноцветными юбками одна поверх другой и полосатыми леггинсами внизу. – И судьба решит, останетесь ли вы или нет.

Мамин взгляд был устремлен на черную воду за костром.

– Эшфорд. Я всегда ненавидела это место. Не могу поверить, что судьба призывает меня остаться в таком дурном, грязном городе.

Мисс Эбигейл улыбнулась.

– Каждый смотрит на вещи через свой набор фильтров, – сказала она. – Я смотрю вокруг этого города и вижу жизнь, вижу прошлое и настоящее. Каждый день я вижу крошечные чудеса. Суп, который мы едим, приготовлен из диких растений, собранных вокруг города. Это место заботится о нас; оно питает нас и дает все, что нужно.

Она открыла маленький кожаный кисет, висевший у нее на шее, высыпала на ладонь немного красного порошка и втянула его носом. Потом обнесла трех других женщин, и каждая из них тоже вдохнула немного красного порошка. Некко видела красные пятнышки у них под носом, видела, как расширяются зрачки новых знакомых, а глаза становятся стеклянными, как у кукол. Мисс Стелла улыбнулась ей.

Потом мисс Эбигейл выступила вперед, подняла над маминой головой кисет на ремешке и стала смотреть, как он качается, описывая медленные круги.

– Зелье выбрало тебя, – объявила она.

– Меня? – сказала мама.

Мисс Эбигейл открыла кисет и высыпала на ладонь немного порошка.

– Что это такое? – спросила мама.

– Дьявольский табак, – ответила мисс Эбигейл.

Некко пробрала дрожь. Хотя они никогда не ходили в церковь и не пользовались библейскими изречениями, она хорошо знала, что нужно сторониться дьявола и всего, что с ним связано.

– Что он делает? – спросила мама.

– Убирает фильтры. Он показывает то, что тебе нужно знать.

– Мое прошлое? – спросила мама, одновременно с тревогой и надеждой.

– Твое прошлое и будущее, твое истинное предназначение. Табак показывает, что все связано друг с другом.

– Он покажет мне, что делать дальше?

Мисс Эбигейл кивнула:

– Он покажет тебе все, что нужно знать.

Мама смотрела на огонь. Некко наблюдала за ней, думая о том, что мама ни в коем случае не сделает этого. Она выпивала лишь несколько бокалов вина за год и никогда не курила; нельзя

было и представить, что он собирается принять какой-то диковинный галлюциноген, даже если он *выбрал* ее.

– Нет, мама! – воскликнула Некко.

– Все в порядке, – сказала мисс Стелла, положив татуированную руку на плечо Некко.

– Дитя, – с улыбкой сказала мисс Эбигейл. – Это не причинит ей вреда. То, что она собирается сделать, это ее судьба.

Тогда мама вдохнула ярко-красный порошок. И независимо от того, понимала ли она это или нет, этот поступок определил их судьбу.

Мама закрыла глаза и долго сидела неподвижно, как будто ее тело превратилось в гладкий бледный камень. Некко ждала продолжения; ее сердце громко бухало в груди, живот завывался в узлы. Что, если мама больше не откроет глаза? Что, если зелье убьет ее или сведет с ума?

– Мама! – позвала Некко. Она встала, собираясь подойти к матери, но мисс Эбигейл остановила ее, выставив руку, как железнодорожный шлагбаум.

– Подожди, дитя, – приказала она.

Мама вдруг распахнула глаза и сделала глубокий судорожный вдох, словно утопающий человек, которому не хватает воздуха. Она глядела в огонь остановившимся взглядом с расширившимися зрачками, как будто смотрела кино, которое больше никто не мог видеть.

– В начале Великая Мать отложила яйцо, и оно стало нашим миром, – громким, уверенным голосом произнесла мама.

Другие женщины прошелестели: «Да» – монотонными, певучими голосами. Мисс Эбигейл вдохнула еще порошка и широко улыбнулась маме.

– Мисс Лили, вы та, кого мы ждали, – сказала она. – Наш недостающий фрагмент. Пятый луч звезды.

И мама не стала задавать вопросов. Она кивнула, как будто тоже верила, что Великая Мать и судьба свели их вместе.

На следующее утро они приступили к постройке собственной хижины в лагере Глотателей Пламени. В следующие месяцы и годы мама научилась вдыхать дьявольский табак, ухаживать за тайными кустами, из ягод которого готовили зелье, толковать видения, глотать огонь и говорить на тарабарском языке. Большую часть года они оставались в лагере у реки, а когда приходили холода и Глотатели Пламени рассеивались, мама находила для них убежище в тоннелях у старой мукомольной фабрики – Зимний Дом, где они таились в ожидании весны.

Мама называла город Бернтауном; она придумала для него новое название, как делала со многими вещами. Как будто, давая городу новое название, она могла превратить его в другое место. В каком-то смысле так оно и было. Они жили на другой стороне, на дальней окраине, в таких местах, которые горожане даже не замечают. Наверху были колледж и люди, каждый день работавшие на бумажной фабрике. Там был Эшфорд. Но под мостом были женщины, которые готовили зелье, ловили видения и глотали огонь: там был Бернтаун.

Со временем мама снова стала рисовать, в основном картины своих видений после дьявольского зелья. Она рисовала на бумажных пакетах из магазина, на кусках фанеры, на березовой коре. Она составляла собственные краски из ягод, листьев, корней, глины, древесного сока и даже крови. Некко смотрела, как она рисует и с головой уходит в работу, так часто бывало в их прежней жизни, и думала о том, что в такие моменты ее мать кажется почти счастливой.

Чем дольше они оставались вместе с Глотателями Пламени в Бернтауне и чем больше ее мать нюхала зелье, тем более отдаленной становилась их прежняя жизнь. Мама превратилась в совершенно другого человека. В женщину, которую паранойя преследовала по пятам, куда бы она ни шла. Мама была уверена, что за ними наблюдают полицейские, библиотекари и водители автобусов.

– Жужубы особенно плохие, Некко, – говорила мама, пользуясь своим особым прозвищем для полицейских (мигалки на полицейских автомобилях казались ей сладостями для приманки). – Они тоже ищут нас. Если они добьются своего, с нами будет покончено.

Каждый раз, когда она видела копа, они переходили на другую сторону улицы и ныряли в темный переулок. Некко считала, что это выглядит со стороны еще подозрительнее, но не было смысла спорить с мамой.

– Есть человек, Некко, который может забрать из мира весь свет. Он – ходячая тень, настоящая черная дыра. И он обладает такой властью, какую ты не можешь представить. Он может шпионить за тобой в твоих снах. Это Король Лжи. Человек с сердцем шакала. У него есть много имен: Человек-Цыпленок, Змеиный Глаз... И что хуже всего: это он устроил Великий Потоп. И другие ужасные вещи, вроде того, что произошло с твоей бабушкой и дедушкой.

– Они погибли в автомобильной аварии, – раздраженно напомнила Некко. Иногда ее изнуляли попытки сортировать материнские истории и отделять реальность от вымысла. Это было все равно, что мыть золото в лотке, копаясь в грязи и песке и пытаясь найти крупинцы истины. – И как человек может быть виноват в наводнении? Это невозможно.

– О, вполне возможно. Это дело Змеиного Глаза. Он убил твоего папу и Эррола. Он пытался утопить и нас, моя девочка, и он очень недоволен, что мы ускользнули от него. Он ищет нас даже теперь. Каждый день, каждую ночь. Он идет по следу, как старая гончая или как акула, отведавшая крови. Мы должны быть бдительными. Всегда настороже. Он коварен и действует исподтишка. Он может поменять лицо, волосы, одежду. Он может выглядеть как бизнесмен или как чумазый велосипедист.

– Ну, хорошо, – в сердцах сказала Некко. – Если это правда, мама, и если за нами действительно охотится человек-хамелеон, то как мы вообще сможем узнать его?

– По его отметине, Некко, – ответила мама почти так же раздраженно и недовольно, как Некко. – У него на левом запястье вытатуирована пара игральные кости, каждая с одной точкой наверху. Увидишь эту отметину, эту пару змеиных глаз, которые смотрят на тебя, тогда беги. Беги изо всех сил, так далеко, как только можешь.

Возможно, говорила себе Некко, ее матери было легче кого-то винить – мифического монстра, ответственного за все плохое, что с ними случилось, и рыщущего в тенях за каждым углом. Это проще, чем думать, что иногда ужасные события происходят без всякой причины.

События во время наводнения – утрата дома, папы и Эррола – сломили мать глубоким и непостижимым образом. Зелье лишь продолжало заполнять ее останки и покрывать их крошечными трещинами, делая ее хрупкой, как фарфоровая кукла.

И в конце концов эта кукла разбилась. Мамина паранойя и пугающие видения, навеваемые зельем, одержали верх, и мама бросилась вниз со Стального моста. Это произошло весной. Прошли месяцы, но Некко тоскует о ней каждое мгновение и желает обратить время вспять и найти способ остановить ее.

Теперь, если Некко закрывает глаза, она может ясно представить свою маму и услышать ее голос в те минуты, когда она, понюхав зелье, так что под носом у нее осталось красное пятно, рассказывала у реки историю. Она рассказывала о рождении мира, как будто сама присутствовала при этом и видела его в первый раз. Иногда Некко представляет свою маму в образе Великой матери: ее глаза большие и яркие, как планеты, зеленовато-карие с желтой каймой.

– В начале Великая Мать отложила яйцо, и оно стало нашим миром. Ярким сияющим шаром, вращавшимся в пространстве. – Мама зажигала факел: комок хлопка, обернутый вокруг конца выпрямленной проволочной вешалки и смоченный в лагерьном топливе из красно-серебристой канистры. Он горел, как новорожденная планета.

– Только представь, – напевала мама гипнотическим голосом, медленно помахивая факелом, выписывая аккуратные кривые и восьмерки. Она подносила пальцы к пламени, тянула

его, приманивала, удерживала в ладони, заставляла скакать и выделять фокусы. Она была бесподобна.

Скрестив ноги, Некко сидела на земле и смотрела. Она наклонялась ближе, вдыхая запахи грязно-бурой реки за спиной у мамы и едкого дыма от факела. Она слышала рев автомобилей, проезжавших по мосту над ними. Там шла другая жизнь, и они с мамой когда-то были ее частью: жизнь поездок на автомобиле в бакалейный магазин, посещения музеев, визитов в папин кабинет в колледже, к врачу и к дантисту. Все это казалось неправдоподобно далеким.

Мама покачивалась, стоя в тонком хлопчатобумажном платье. Это платье она носила в другой жизни – платье с подсолнухами, о котором папа говорил, что в нем она похожа на Королеву Сада. Теперь эти подсолнухи танцевали, пока мама вглядывалась в огонь, постепенно впадая в транс. Вокруг ее рта виднелись шрамы и ожоги, спутанные рыжие волосы были опалены, ресницы сгорели. И если смотреть в нужное место, можно было увидеть очертания маленького револьвера, который она носила пристегнутым под платьем – просто на всякий случай.

– Только представь мир, каким он был впервые: ничего, кроме огня, – с остекленевшими глазами, монотонным, певучим голосом говорила мама. – Потом он начал остывать. Пошли дожди. Дождь лил и лил, дни и ночи, год за годом. Была вода, один великий океан, покрывавший всю планету. А существа! У них были плавники и жабры, такой была тогдашняя жизнь. Наконец Великая Мать создала сушу, и существа научились дышать легкими. Они выползали из воды на илистые отмели и побережья. У них были перепончатые лапы и влажная кожа. Они прыгали, прыгали и пели. Это были наши первые предки, задолго до обезьян с их цепкими маленькими пальчиками.

Эта часть истории всегда напоминала Некко уроки естествознания, которые папа давал ей и Эрролу; он говорил, что все живые существа когда-то имели одного общего предка. Тогда она представляла существо, похожее на описанное мамой, наполовину рыбу, наполовину лягушку, вылезающую из воды ради первого глотка воздуха.

Мама подняла факел и продолжила:

– Жизнь на земле постоянно развивается. Великая Мать заботится об этом. Есть огонь и вода, вода и огонь. Жизнь и уничтожение. Потоп, когда мы потеряли твоего папу и Эррола, был лишь началом. Мир меняется, и опасность грозит отовсюду. – Тут она открыла глаза и посмотрела прямо на Некко; лицо матери было серьезным, но во взгляде сквозила паника. – Я видела его во снах, Некко. Я знаю, что он придет. Поэтому нам нужно оставаться здесь, нужно прятаться. Но однажды он найдет нас. Однажды нам больше не придется убегать и прятаться.

И мама прикоснулась к револьверу под платьем, убеждаясь, что он по-прежнему там.

* * *

– Что ты сегодня принес? – спрашивает Некко у Гермеса, присоединившись к нему на заднем сиденье. Они заполнили подушками место между задними и передними сиденьями, соорудив одну большую постель. Гермес называет ее «гнездом», и Некко нравится сворачиваться калачиком рядом с ним по вечерам, зарываться в одеяла и представлять их подземными существами, кроликами в надежной и уютной норе.

Гермес добавил новые подарки на полку над задним сиденьем, к остальным сокровищам, собранным там: сладости, банка, которой Некко пользуется для проращивания семян, красивые камушки, кукла Надежда. Вязальные спицы и пряжа лежат рядом с единственной вещью, оставшейся от матери: золотым медальоном с отцовской фотографией внутри. Но это странная фотография, потому что папа на ней – маленький мальчик. Еще до того, как он познакомился с мамой. Худой темноволосый мальчик в костюме Робин Гуда, который держит самодельный лук и носит на спине колчан со стрелами.

– Ты починил мое ожерелье? – спрашивает Некко. У нее есть талисман, который она носит на шее: маленький бронзовый слоник, принадлежавший отцу. Он подарил его дочери на четырнадцатый день рождения, за несколько недель до Потопа. Цепочка на прошлой неделе сломалась, и Гермес забрал ожерелье, сказав, что починит его. Он знает ювелира, которому иногда сбывает товар. Этот парень может починить сломанную застежку.

– Еще нет, – говорит Гермес и хмурится.

– Тогда что ты принес?

– Новости, – отвечает он и на секунду отворачивается. – Мне есть чем поделиться с тобой. Это нечто важное, и оно все изменит, но так будет лучше для будущего. Я правда верю в это.

Его голос звучит так, как будто он пытается убедить не только Некко, но и самого себя.

– Что это? – От беспокойства у нее начинает болеть горло.

– Пока не могу сказать. Не сейчас. Я должен показать тебе.

– Показать? И когда ты мне это покажешь?

– Завтра. Я отведу тебя завтра.

– Куда?

– Увидишь. – Гермес откидывает волосы с ее лица, целует в лоб и привлекает к себе. – Тогда ты все поймешь.

Она прислоняется к нему и видит шнурок у него на шее. Потянувшись к шнурку, она вынимает ключ необычного вида. Стержень ключа имеет форму цилиндра с мелкими зубчиками по сторонам. Головка покрыта ярко-оранжевым пластиком с номером 213, вытисненными черными цифрами.

– Что это?

– Это часть того, что я собираюсь показать тебе.

– Но что...

Гермес подносит палец к ее губам.

– Имей терпение, – говорит он. – Завтра я тебе все покажу.

Она смотрит на странный маленький ключ, который он убирает под рубашку.

– Зато я могу показать тебе вот это, – с улыбкой говорит Гермес и запускает руку во внешний клапан рюкзака. Он достает оттуда буханку хлеба, кусок сыра и два яблока.

Некко сильно проголодалась, но, как только запах сыра ударяет ей в нос, желудок переворачивается.

– Ты в порядке?

Она кивает и сглатывает жидкость, накопившуюся во рту, стараясь не срыгнуть.

– Все нормально, – говорит Некко и глубоко дышит.

В последнее время ее часто рвало, но она не говорила об этом Гермесу. Впрочем, довольно скоро она не сможет утаивать от него свое положение. Она размышляет над этим уже несколько недель, стараясь определить, как нужно рассказать ему об этом. Она смотрит на вязальные спицы и вспоминает, как сидела у ног матери вместе с Эрролом в теплой гостиной под успокаивающее *клик-клик-клик* других спиц. Если бы мама была здесь, она сказала бы, что спицы, которые принесла девочка, были важным знаком или символом. Мама верила в символы и тайные послания. Она была такой даже до Потопа.

– У меня тоже есть сюрприз, – говорит Некко.

– Правда? – спрашивает Гермес, отрывая кусок хлеба и отрезая ломтик сыра.

– Это большой сюрприз, и я не уверена, что он тебе понравится.

– Что такое? – спрашивает Гермес и откладывает еду в сторону.

– Ну, дело в том... – Некко замолкает, словно боится продолжать. Но она не трусиха. Она Огненная Дева. – Я беременна. – Она позволяет словам вылетать, как искрам, и видит потрясение, которое они вызывают у него.

– Ты... ты уверена? – мямлит он.

- Не сказала бы, если бы не была уверена.
- Но мы были осторожны, – говорит Гермес.
- Полагаю, недостаточно осторожны, – отзывается она.
- Ничего себе, – бормочет он, таращась на нее. – Ребенок? Ты давно знаешь?
- Последние две недели.
- Это потрясает его еще больше, чем главная новость.
- Почему же ты не сказала мне?
- Мне нужно было подумать. Понять, чего я хочу.
- Наступает пауза, как будто оба затаили дыхание.
- И?..

– И я решила, что хочу сохранить ребенка, – говорит Некко. – Но я не жду ничего от тебя. Я знаю, что последнее, чего ты хочешь, это стать отцом, особенно таким образом. Думаю, мне следует обратиться в приют «Маяк» или в другое похожее место. Уйти с улицы, провериться в клинике.

Она читала о беременности в библиотеке и сейчас думает о разных вещах, которые могут пойти вкривь и вкось: внематочная беременность, выкидыш, различные врожденные дефекты. Ей нужно дать ребенку шанс родиться здоровым. Ей нужна хорошая еда. Безопасное место для сна. Витамины. Ей нужно принимать специальные витамины с железом и фолиевой кислотой. Так сказано в книгах.

Гермес широко улыбается:

– У тебя будет ребенок.

– Да, – говорит Некко. У нее немного кружится голова, потому что, когда слышишь такие слова от кого-то еще, это делает их реальными.

Он кладет руку ей на живот. Его ладонь теплая, пальцы мозолистые и загрубевшие.

– Ты будешь мамой, – говорит он. – А я собираюсь стать отцом.

Когда Некко слышит эти слова, то ее как будто подхватывает огромная волна и выносит на далекий, очень далекий берег. Берег, где существуют мамы, папы, крошечные младенцы, песенки и детские колыбельные. *«Послушайте сказочку, вы, шалуны, / Корова подпрыгнула выше луны!»* Но потом накатывает другая волна воспоминаний – та, что угрожает разрушить все, что может вернуть ей вкус к нормальной жизни. Это наследие Потопа. Некко бьется, стараясь вырваться на поверхность, голова пульсирует болью.

– Да, – говорит Некко.

– Ты уверена, что хочешь этого? – спрашивает Гермес. – Стать мамой?

Он говорит так, словно ей под видом подарка вручили нечто неправильное: две пары левых туфель, чайную чашку с дырой в доньшке.

– Да, уверена. Но, повторяю, тебе не обязательно приобщаться к этому. Я и сама могу справиться.

– Но я часть этого, – говорит Гермес и привлекает Некко к себе. – Я никуда не денусь. Я буду заботиться о тебе и малыше, и у нас будет настоящая семья. Ты увидишь. Все это делает гораздо более важной ту вещь, которую я хочу показать тебе завтра. Это просто идеально.

Настоящая семья. Некко даже не уверена, что это значит. Она помнит своих родителей, ухаживавших за ней перед сном, еще до наводнения, когда она была просто маленькой девочкой. Мама причесывала и заплетала ей волосы, а папа читал сказку. Каждый вечер она была счастлива и чувствовала себя *целой*. Некко закрывает глаза, сосредотачивается, и воспоминание исчезает. Оно было изгнано, как и все остальные, которые приходили раньше. Она как следует постаралась убрать все воспоминания о своей семье, о том, как она росла до Потопа. Некко держит их запертыми во внутреннем ящике, потому что слишком мучительно думать о том, как все было раньше. Так она выживает, так спасается от безумия. От того безумия, которое поразило ее маму.

Некко понимает, что это несправедливо, – что жизнь подарила ей ребенка именно сейчас, когда она живет в автомобиле и глотает огонь ради сладостей и побрякушек. Но она все изменит. Теперь у нее есть смысл. И мамы больше нет. Нет причин продолжать жить так, словно она в бегах. То, что говорила мама, – это бредовые мысли, навеянные дьявольским зельем. Никакой дурной человек не охотился на них. Никто не наблюдал за ними, прячась в тени. Пора двигаться вперед. Пора уйти с улицы.

Она придет в приют и обратится за помощью. И мало-помалу они с Гермесом начнут строить настоящую жизнь. Квартира. Колыбелька для младенца. Некко научится вязать. Пользоваться спицами, которые достала сегодня, для изготовления крошечных пинеток и детской шапочки. *Клик-клик-клик*, скажут спицы, когда она начнет вязать в кресле-качалке, точно так же, как когда-то делала мама.

– Все будет нормально, – говорит Гермес. – Черт, даже больше, чем нормально. Я могу с этим справиться. Могу даже обратиться к своей семье, если придется. Мой папаша – полный говнюк, но мама нам поможет. Мы это переживем.

Гермес укачивает ее, и Некко закрывает глаза, ощущая, как ключ, который он носит на шее, прижимается к ее спине. Некко представляет ребенка, спрятанного глубоко внутри нее, крошечного головастика с жабрами, вдыхающего жидкость.

Некко засыпает и видит во сне, как толкает детскую коляску, переходя через мост. Потом ее кожа леденеет, потому что это не просто мост, а Стальной мост, с которого прыгнула мама, бросившись в илистую реку в пятидесяти футах внизу.

Но Некко каким-то образом просверлила дыру во времени, и мама снова здесь, снова живая, стоящая на краю, глядящая в воду. Ее рот запятнан красным, обожженные волосы торчат пучками. С нее капает, как будто она только что выбралась из воды. На шее у нее висит ключ Гермеса.

– Мама?

Мама отворачивается от воды и смотрит на Некко.

– Я ждала тебя, – с улыбкой говорит она и показывает зубы цвета крови. – Дай посмотреть на моего внука.

Некко нагибается, чтобы распахнуть полог коляски, но не может этого сделать. Она боится того, что может там обнаружить.

– Иногда, – говорит мама, цепляясь за ключ, висящий у нее на шее, – иногда правда – это не то, чему ты хочешь посмотреть в лицо. Иногда лучше не знать.

Тео

Тео быстро идет по тротуару; в левой руке она держит сигарету, а пальцы правой руки нервно перебирают аккуратно связанные нити алой пряжи и беспокойно дергают ее. Понравится ли Ханне? Не сочтет ли она вязаный шарф очередной глупостью? Внезапно это кажется мягкотелым, слишком сентиментальным.

Мимо с рокотом проезжает трейлер с надписью «ПОМОЖЕМ С БОЛЬШИМ ПЕРЕЕЗДОМ»; из выхлопных труб вырываются дизельные пары. Кто-то приезжает. Или уезжает, если ему повезло, из этого вонючего города.

Тео находится на Ферст-стрит, мощенной старым булыжником и полной магазинчиков и кафе, обслуживающих посетителей из колледжа. Эта часть города претендует на нечто иное, по сравнению с тем, чем он является на самом деле. Эта часть говорит: «Здесь оживленный, веселый университетский городок!» – но стоит отойти на три квартала в любом направлении, и становится ясно, в какой экономической дыре находится город. Вы увидите заколоченные витрины с разбитыми окнами и нищего, выпрашивающего мелочь на углу с плакатом в руках: «Лучше попрошайничать, чем красть».

Тео минует вывески «Буррито от Синего Койота», «Кружево и лаванда: товары для тела и духа», «Карандаши и краски», «Книги Двуречья» и кафе («Сегодня поэтическая вечеринка!»), а также кофейню «Миллхауз», где люди сидят за столиками снаружи и пытаются не замечать вонь от бумажной фабрики, оседающую на их кофе-латте.

Тео дотягивает сигарету, давит окурочку каблуком и смотрит на часы. Половина одиннадцатого. Вот черт, она опоздала. И все потому, что Люк отвел ее посмотреть на Огненную Деву. Он слишком боялся провернуть сделку в школе, так что они перешли к делу, когда пересекли улицу с толпой детей. Тео вручила ему коричневый бумажный пакет с двумя унциями кокаина, завернутыми в пластик, а он передал ей конверт с двумя тысячами баксов. Шито-крыто. Она и не думала, что люди еще употребляют кокаин, и редко что-то продавала школьникам. Люк собирался перепродать «коку» своему кузену за городом ради шальной прибыли, – так он ей сказал, – но Тео было наплевать. Этот парень был мерзким пронырой. Пока он давал ей деньги и не попадался с наркотиками, все было в порядке. Ноша в ранце весь день причиняла сосущее беспокойство и наводила на подозрения, что она снова и снова испытывает свою удачу.

А потом все вдруг закончилось, и Тео испытала сладостное облегчение от того, что все-таки увидела Огненную Деву. Ради фокуса она отдала ей розовые вязальные спицы (это ничего, у нее были спицы такого же размера; она закупила целый комплект вязальных спиц и пряжи на церковной благотворительной распродаже в прошлом году). Она давно слышала истории об Огненной Деве от мальчишек, которые называли ее колдуньей и говорили, что она может выпускать молнии из пальцев и глотать огонь. Кто-то еще сказал, что она делает минет за десять долларов.

Тео не поверила этому. Тем более после того, как увидела ее. Девушка оказалась круче, чем она представляла; такая не любит всякое дерьмо и держит наготове нож, чтобы подтвердить это.

Тео улыбается, думая об этом. Возможно, ей тоже следует носить нож в сапоге. Может быть, Ханна решит, что это сексуально.

Она улыбается шире и сильнее: улыбка от края до края. Беспокойство прошло. Голова почти кружится от нового ощущения жизни. Как у ребенка, который только что прыгнул в омут на спор с самой высокой скалы, а потом выплыл, живой и здоровый. Теперь осталось лишь передать деньги Ханне, и дело с концом. Тео скажет, чтобы ей больше не давали больших партий товара для переноски. Это слишком обременительно.

Она мысленно возвращается к шарфу. Может быть, в конце концов, не следует отдавать его Ханне, хотя Тео так кропотливо трудилась целую неделю, – прямая петля, изнаночная петля, ряд за рядом, – уверенная в том, что сам факт вязки шарфа для Ханны как-то соединит их, словно маленькие узелки, вывязываемые на спицах, могут создать сеть, охраняющую от любых опасностей.

* * *

Они познакомились три месяца назад в Эшфордской библиотеке, в биографической секции. Тео высматривала книги о Ф. Т. Барнуме⁷, а Ханна рылась на полках.

– Вы не видели ничего об Уильяме Дженсене? – спросила она.

– О ком? – переспросила Тео, глядя на девушку перед собой. Она была немного ниже Тео, в джинсах, шлепанцах и черной футболке. Ее волосы были зачесаны назад в жалком подобии «конского хвоста», а солнечные очки с зеркальными линзами красовались на лбу.

– О Дженсене... знаете, о том парне, который построил мукомольню в этом городе. Вы знаете, что его жена и сын были убиты? – Она выждала паузу, потом распахнула глаза и добавила низким, зловещим голосом: – Обезглавлены.

Она провела пальцем по горлу, чтобы усилить впечатление.

– Ого, – сказала Тео. – Я и не знала.

– Абсолютная правда. Просто поразительно, сколько мрачных историй происходило в этом городе, – тех, о которых не рассказывают в школе, – приходится копать, чтобы найти их. Я тут вроде эксперта. Двойное убийство Дженсенов так и не было раскрыто. Полицейские думали, что это сделал сам Дженсен, но у него было железное алиби. Бедный мужик так и не пришел в себя. Я провожу исследование о старых преступлениях в Эшфорде для летнего курса социологии. Но ничего не могу найти здесь о Дженсене.

Тео посмотрела на полки.

– Э-э-э... Кажется, за углом есть секция, посвященная местной истории.

– А, ну конечно. Спасибо! – Ханна завернула за угол, вышла с книгой и устроилась на стуле. Тео села напротив нее. Ханна потрескивала костяшками пальцев при чтении, вытягивая по одному пальцу, а потом резко сгибала их и надавливала сверху: *пон, пон, пон*.

– Прощу прощения, – сказала она, когда заметила, что Тео смотрит на нее. – Это неприятная привычка, но она помогает мне сосредоточиться. Чаще всего я даже не замечаю, что делаю.

– Все в порядке, – успокоила Тео. – У всех есть дурные привычки.

Ханна какое-то мгновение пристально смотрела на Тео, словно оценивая ее.

– Но только не у вас. Вы не похожи на девушку, у которой есть хотя бы одна дурная привычка.

Ее тон показался неожиданно игривым. Могла ли Ханна что-то заподозрить? Неужели ей удалось заглянуть в сокровенные мысли Тео, в которых той было трудно признаться даже самой себе?

Тео рассмеялась и посмотрела на открытую книгу, которую держала в руках.

– У меня их целая куча.

– Дурных привычек? И даже неприличных?

– Может быть. – Сердце учащенно забилося, пока Тео гадала, что произойдет дальше.

Возможно, на этом все закончится. Девушка просто встанет и уйдет. На самом деле, это и к лучшему, внушала себе Тео. Это реальная жизнь, а не безумный роман или артхаусное кино.

⁷ Финеас Теодор Барнум (1810–1891) – величайший антрепренер XIX века, основатель первого цирка в США (прим. перев.).

Девушка уйдет, а Тео сдаст свою книгу, отправится домой и закажет ужин на дом для себя и мамы. Обычная вечерняя процедура по пятницам.

Девушка закрыла книгу по истории Эшфорда, но продолжала смотреть на Тео.

– Знаете одну из моих дурных привычек? Коктейль из шоколадного солода. Почему бы нам не познакомиться поближе? Я угощаю, но в обмен вы обещаете открыть мне хотя бы одну из ваших дурных привычек.

Тео почувствовала, как к лицу приливает краска.

– Заметано, – сказала она.

– Меня зовут Ханна, – сообщила девушка и встала, а потом взяла Тео под руку, когда они выходили из библиотеки.

* * *

Ханна была второкурсницей в колледже Двуречья и изучала социологию.

– Я поступила в колледж и вообще решила заниматься социологией только из-за того, что там преподавал доктор Майлз Сандески, – объяснила Ханна за шоколадным коктейлем.

Они сидели лицом к лицу в зеленой виниловой кабинке в кафетерии «Кофейная чашка», старом алюминиевом павильоне на углу Старк-стрит и Спрюз-стрит. Тео не бывала здесь раньше, потому что, по словам мамы, местная еда была «отложенным сердечным приступом». Арочный потолок был выкрашен в бирюзовый цвет, стены покрыты черной и оранжевой керамической плиткой, а пол – черно-белым линолеумом в шахматную клетку.

Кроме шоколадных коктейлей, Ханна заказала порцию жареного сладкого картофеля, которую они разделили пополам.

– Доктор Сандески написал книгу о том, как истории, которые мы рассказываем друг другу, могут создавать для общества героев и преступников. Там есть потрясающий материал о культурных мифах с примерами героев и антигероев, – сказала Ханна. – Книжка называется «Принцесса и слон». Ты ее читала?

Тео покачала головой.

– О, господи! – Ханна широко распахнула глаза и театрально приоткрыла рот. – Нам нужно сразу же отправиться ко мне; я дам тебе свою. Ты должна ее прочитать! Это великая книга, она меняет жизнь. На самом деле у меня два экземпляра: в твердой и в мягкой обложке.

Поэтому они отправились на квартиру Ханны, расположенную в одном из больших кирпичных зданий по другую сторону улицы от колледжа. Это были старые дома для фабричных работников, превращенные в квартиры и апартаменты, одни сохранились лучше, другие – хуже. Ханна жила в хорошем доме, но, даже несмотря на капитальный ремонт, в здании пахло старыми кирпичами и сырым деревом.

– Это запах истории, – сказала Ханна, когда Тео сделала замечание. – Или, может быть, запах призраков. Говорят, что мой дом посещала Анна Боровски, одна из фабричных девушек, которые здесь жили. Она забеременела уже в шестнадцать лет и выбросилась из окна на верхнем этаже.

Тео поежилась, и Ханна довольно кивнула.

Квартира Ханны была маленькой, но опрятной, выдержанной в бледных тонах. На потолке оставались открытые деревянные балки, в гостиной сохранилась кирпичная отделка. Квартира выглядела так, словно сошла со страниц каталога интерьеров; приятное место для студенческого жилья.

Ханна взяла с полки книгу в мягкой обложке и вручила ее Тео.

– Можешь взять себе, – сказала она.

Тео посмотрела на книгу и на странную, но чарующую иллюстрацию на обложке. Там был изображен слон, покрытый драгоценностями, но внутри его тела находилась красавица, либо спящая, либо мертвая.

– Почему ты сегодня пришла в библиотеку? – спросила Ханна.

– Хотела найти что-нибудь о Барнуме. О том, который сказал, что «каждую минуту рождается лох».

– Но почему именно сегодня и в это время?

Тео пожала плечами.

– Знаешь, что я думаю? – спросила Ханна, шагнув к ней. – Я думаю, что все имеет свою причину. Думаю, нам суждено было встретиться, Тео. Судьба свела нас в библиотеке сегодня днем. – Она погладила запястье Тео и добавила: – Разве ты не чувствуешь?

У Тео часто забилося сердце.

– Да, – сказала она и вспыхнула. Тео дышала слишком тяжело и учащенно. Она попыталась отодвинуться от Ханны, но та держала крепко.

– Я собираюсь задать вопрос и надеюсь, что ты скажешь «да», но если ты откажешься, то я пойму, – сказала Ханна.

Тео кивнула.

– Ты хочешь узнать, что я думаю по поводу того, что нам уготовано судьбой?

– Да, – скорее выдохнула, чем сказала Тео.

Ханна привлекла Тео к себе и поцеловала. Для Тео это был первый такой поцелуй в жизни. Книжка выскользнула из ее пальцев и упала на пол.

* * *

– Так ты прочитала книгу? – спросила Ханна на следующей неделе. Девушки лежали в постели в квартире Ханны. Теперь они встречались почти ежедневно. Ходили пить кофе, перебирали в магазине книги, ели суши в любимом ресторане Ханны, где были огромные аквариумы, встроенные в стены. Но дело всегда заканчивалось в квартире Ханны, в ее постели.

Это было игрой, в которую они играли время от времени: просто посмотреть, сколько они смогут выдержать. Нечто вроде изысканной пытки: быть рядом с Ханной, есть, ходить по магазинам, гулять по городу и ждать, пока Ханна наклонится к ней и прошепчет на ухо: «А теперь пойдём ко мне».

– Да, – сказала Тео. – Я ее прочитала, отличная книга. Мне очень понравилось про мифологию и архетипы.

По правде говоря, книга ей действительно понравилась, но та часть, где говорилось, что каждый человек проживает свой миф, определяемый событиями детства и раннего окружения, казалась немного натянутой. Ей не нравилась идея о том, что люди оказываются пойманными в сети некой истории, созданной событиями и обстоятельствами, над которыми они практически не имели власти. Она считала людей более самостоятельными существами.

Ханна убрала прядь волос со лба Тео.

– Думаешь, это правда, что во всех нас есть плохое и хорошее? Что все мы способны на что-то ужасное?

– Конечно, – согласилась Тео. – С учетом обстоятельств. Но в конце концов все сводится к личному выбору, разве не так? Мы всегда можем согласиться или отказаться.

Ханна вопросительно взглянула на нее и спросила:

– Тебе приходилось заниматься чем-то незаконным?

Тео рассмеялась, пробежав пальцами по безупречной округлости ее плеча.

– Что, убивать кого-то или красть чужие вещи? Нет, такого не припомню.

Ханна разочарованно уставилась на простыни, и Тео пожалела о скоропалительном ответе.

– А тебе приходилось? – спросила Тео, приблизив губы к уху подруги.

– Возможно, – ответила Ханна.

– Расскажи мне, – тихо, почти благоговейно попросила Тео. – Пусть это будет что угодно, мне все равно.

Это была правда. Ханна могла сказать, что она прячет труп в шкафу, и Тео нашла бы способ избавиться от него. Глупо, но факт.

– Предположим, у меня есть друг, – сказала Ханна, обращаясь к подушке, лежавшей рядом с ней. – Допустим, он достает мне товары для продажи. Вещи, которые хотят люди. И может быть, я продаю их и зарабатываю немного денег.

Тео выпрямилась:

– Что за товары?

– Он может достать практически что угодно, – ответила Ханна, по-прежнему не глядя на Тео и разглаживая наволочку. – Таблетки, героин, травку. Однажды, по его словам, он даже достал немного этого нового зелья, дьявольского табака. На него есть огромный спрос, ты не представляешь, сколько люди готовы платить! Некоторые даже не верят, что он существует, но те, кто его попробовал, говорят, что порошок изменил их жизнь. Одарил видениями, показал разные вещи. Если принять его, то уже никогда не будешь прежней.

– Постой, так ты наркоторец? – Тео не верила собственным ушам.

Внезапно Ханна повернулась к ней, улыбнулась и погладила обнаженную спину Тео.

– Мы с моим другом решили, что будет полезно расширить дело. Знаешь, продавать товар другой группе... клиентов. Но я же не могу просто впорхнуть в среднюю школу и открыть лавочку, верно? Нам нужен кто-то их возраста, кто ходит в школу и общается с ними. Кто-то, кого не могут заподозрить ни в чем... незаконном.

У Тео возникло тягостное ощущение, что Ханна подстроила их знакомство вместе с их нынешними отношениями исключительно ради этого момента. Она увидела одинокую старшеклассницу и поняла, что если правильно разыграет карты, то сможет заставить Тео делать все, что ей нужно. Но вслед за тягостным чувством пришло осознание: да какая разница? Ей вполне искренне было наплевать на то, что ее использовали. А даже если и нет, она знала, что у них с Ханной было нечто настоящее. Тео чувствовала это каждый раз, когда они были вместе: магнетическая тяга, безрассудность поцелуев, как будто они впервые оказались наедине.

– Я твоя девушка, – сказала Тео со всей искренностью, на которую была способна. – *Твоя и только твоя.*

– Я надеялась, что ты согласишься, – сказала Ханна и привлекла ее к себе. – Это будет идеально, вот увидишь. Возможно, мы сможем отложить кое-какие деньги, а потом, когда нам все надоест, отправимся куда-нибудь подальше.

– Куда? – спросила Тео с гулко бьющимся сердцем.

– Не знаю, куда угодно. Только ты и я.

Вот так все и началось. Сначала Тео продала немного травки – несколько порций по пять долларов для начинающих школьных курильщиков. Потом пошли слухи. Люди стали обращаться за другим товаром: транквилизаторами, стимуляторами, кислотой, грибами, за кетаминном и героином. И чем больше заказов она получала, тем больше возможностей у нее было для встреч с Ханной, которая забирала деньги (всегда оставляя подруге ее долю) и давала новые наркотики. Тео никогда не видела парня, который снабжал Ханну товаром, и, когда она спрашивала о нем, та отвечала неопределенно и быстро меняла тему.

– Чем меньше знаешь, тем лучше, верно? – говорила Ханна. – На самом деле, это для того, чтобы защитить тебя.

Каждый раз, когда Тео приносила деньги, ей казалось, что они еще немного приблизились к совместному путешествию. Она представляла, как они садятся в красный «фольксваген» Ханны и просто уезжают, оставляя все остальное позади.

Чем дольше Тео занималась этим делом, тем решительнее становилась. Черт побери, она даже толкнула амфетамины той жирной даме из кафетерия, миссис Смолл. Однажды Тео застала ее плачущей в туалете и спросила, может ли чем-то помочь.

– Нет, спасибо, Теодора. Я просто устала, безумно устала.

– У меня есть средство, которое поможет вам и придаст энергии. Вы даже можете сбросить вес.

Она дала женщине две капсулы, немного беспокоясь, конечно. Но каким-то образом Тео знала, что добрая миссис Смолл не донесет на нее. И оказалась права: на следующий день, пока Тео стояла в очереди за самой дрянной лазаньей на свете, миссис Смолл наклонилась и прошептала:

– Ты можешь достать еще?

Тео улыбнулась. О да, она могла. За определенную цену она могла дать каждому все, в чем он нуждается.

Точнее, все, за исключением заветного дьявольского табака, который был похож на Святой Грааль в царстве наркотиков: о нем говорили только почтительным шепотом. Тео даже не была уверена в его существовании. Но школьники спрашивали ее об этом. Может ли она достать немножко? Пробовала ли она его? Знает ли она кого-то, кто пробовал?

– Я заплачу столько, сколько смогу, за одну дозу этого зелья, – сказал ей Люк, когда они заключали сделку с кокаином и обсуждали, что еще Тео сможет поставлять ему в будущем. – Если ты заполучишь его, позвони мне первому и называй свою цену.

* * *

В 15.45 она стоит перед кирпичным домом Ханны, нажав на кнопку звонка, и слышит из домофона голос подруги:

– Это ты, Тео?

Да, да, да.

Тео нравится, как Ханна произносит ее имя, в ее устах оно звучит как музыка. После очередного звонка дверь со щелчком распахивается, и Тео спешит вверх по лестнице. Ханна ждет в дверном проеме; она протягивает руки, и они целуются. Тео снимает шарф и оборачивает его вокруг шеи Ханны.

– Я сделала это для тебя, – говорит она быстро и с придыханием, пока Ханна снимает ее школьный блейзер и начинает расстегивать пуговицы свежей белой блузки.

– Чудесный шарф, – говорит Ханна, когда ведет Тео в спальню. – Сегодня все прошло нормально? Паренек отдал тебе деньги?

– Все отлично, – кивает Тео.

Позже, когда они лежат в постели, Ханна воркует:

– Не могу поверить, что ты связала это для меня. – И, обертывая шарф вокруг шеи: – Он такой мягкий!

Это единственный предмет одежды, который остался на Ханне, и он выглядит так безупречно, что у Тео перехватывает дыхание. У Ханны молочно-белая кожа с россыпью веснушек. Тео любит проводить пальцами от одной веснушки к другой, выдумывать формы и созвездия, видеть целую вселенную историй на коже Ханны. Историй о том, кто она сейчас, какой маленькой девочкой она была, какой она станет пожилой женщиной: Тео хочет знать все, каждую черточку Ханны.

– Он из мериноса и альпаки, – говорит Тео, вспоминая, как много времени она провела в вязальной лавке, стараясь выбрать лучшую пряжу.

– Никто еще ничего не вязал для меня, – говорит Ханна и проводит пальцами по узловатому алому шарфу.

Тео улыбается и застенчиво кусает губу.

– Даже мама или какая-нибудь старая тетушка? – спрашивает Тео.

Ханна трясет головой, плотнее заматывает шарф и закрывает рот и нос, так что видны только глаза.

Тео хочется сказать гораздо больше. *«Останься со мной, и я свяжу тебе все, что захочешь, – свитера, шапочки, варежки из толстой пряжи»*. Но Тео не дура: она знает, как банально и нелепо это прозвучит. К тому же она всегда боится показаться маленькой девочкой перед Ханной, которая на три года старше ее и учится в колледже.

– Стало быть, все прошло хорошо? Багаж сдан, платеж принят?

– Никаких проблем. Его родители ничего не подозревают. Он, конечно, засранец, но пользуется популярностью в классе: получает хорошие оценки, и учителя его любят. Никто не заподозрит, что я продала ему две унции коки.

– Так где деньги? Можно посмотреть на них?

– Конечно. – Тео выскальзывает из постели и идет за своим ранцем. Ее маленькая сумочка лежит на полу рядом с кучей одежды; школьная форма похожа на странную лужицу, как будто человек внутри вдруг исчез.

Ранца нигде нет.

По коже Тео пробегают мурашки. Когда она пришла, ранец был при ней, верно? Она закрывает глаза и возвращается в недавнее прошлое.

– О, господи, – произносит она, и сердце с гулким стуком ухает куда-то вниз.

– Что такое? – спрашивает Ханна.

Черт. Черт. Черт. Последний раз она видела свой ранец, когда положила его на капот автомобиля Огненной Девы. Потом Тео смотрела, как девушка проглатывает огненный шарик, но тут пришел здоровый парень и принялся размахивать рюкзаком и вопить, чтобы они убирались прочь.

Тео оставила ранец на капоте. Ранец с книгами (включая подаренную Ханной «Принцессу и слона», которую Тео повсюду носила с собой), пакет с разными таблетками и две тысячи долларов в конверте.

Как она могла так облажаться?

– Я, э-э-э... – мямлит она, не желая показывать Ханне, какой беспросветной дурой она оказалась. – Я оставила ранец в школе.

– Что? Вместе с деньгами?

– Знаю, знаю, это глупо. Но не беспокойся, он в моем шкафчике. Просто я так спешила убраться оттуда и увидеть тебя, что позабыла о нем. – Тео сокрушенно кривит губы, показывая Ханне, как ей жаль.

Ханна выглядит бледной как призрак.

– Но деньги...

– Они в безопасности. Я заперла шкафчик.

– Ты можешь забрать их сейчас?

Тео на секунду задумывается, вспоминая высокого парня, размахивающего рюкзаком, и Огненную Деву с ее ножом, потом качает головой:

– Школа уже заперта. Завтра я первым делом отправлюсь туда и принесу деньги.

– Но мой друг придет сегодня вечером. Я сказала ему, что получу деньги.

Тео закусывает губу.

– Скажи ему, что у моего покупателя пока нет денег. Завтра он их получит.

В замке поворачивается ключ, и парадная дверь открывается.

– Крошка? – зовет мужской голос.

Тео все еще голая и стоит над своей одеждой. Она смотрит на Ханну, в чьих глазах мечется паника, когда та качает головой и прижимает палец к губам.

– Ты сегодня рано! – кричит Ханна и указывает на шкаф. – Прячься, – яростным шепотом добавляет она. – Скорее!

Тео с бешено стучащим сердцем подхватывает свою одежду. Ханна бросает ей шарф, она подхватывает его. Потом она прячется в шкафу и захлопывает дверцу в тот момент, когда распахивается дверь спальни. В шкафу темно и пахнет Ханной. Тео приседает над парой туфель, блузки на вешалках щекочут ей лицо. Она пытается затаить дыхание, когда слышит, как мужчина входит в комнату.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.